

ВЛАДИМИР МАЛИНОВСКИЙ

ЧИП

ЧИП и ПРОХОР

Глава первая

КАТАСТРОФА

В тот день Прохор Бурундуков вернулся с работы сам не свой. Ни слова не говоря своей жене Юлии, он из прихожей прошел на кухню, достал из шкафчика водку, налил граненый стакан и под брезгливым и крайне неодобрительным взглядом супруги тягучим глотком разом выпил его. После чего Бурундуков внятно икнул и тупо уставился на паскудно улыбающуюся ему фарфоровую обезьянку, которая служила его жене талисманом.

– Ты, может быть, скажешь, когда бросишь пить? – достаточно сдержанно спросила Юлия мужа.

Прохор отвел глаза от кривляющейся обезьянки и так же тупо уставился на жену:

– Меня увольняют из института.

– Надеюсь, ты шутишь?! – глаза Юли становились всё шире и шире, пока не достигли пределов возможного. – С таким трудом ты устроился туда через Таненбаума и вдруг говоришь мне, что тебя увольняют! А как же твои многочисленные кредиты?! Как собираешься ты их оплачивать?!

– Кредиты, вообще-то, не мои, а твои, – уныло возразил ей Бурундуков. – Машина, шубы и прочее...

– Ах вот как! – Юля заалела, как майская роза. – По-твоему, я должна была вечно ходить в этой куртке булыжного цвета. Я просто обязана была купить себе легкую и модную шубку.

– Три шубки, – уточнил апатично супруг.

– По-настоящему шуба одна! А остальные – это так... приложение.

– Машина, которую ты недавно купила в рассрочку, – это тоже приложение к шубе?

– Да, именно так! Как я могу в такой шубе ездить в автобусе?! Да там ее всю изомнут, изорвут! Меня, в конце концов, просто ограбят! Но дело сейчас даже не в этом. С чего это вдруг тебя решили уволить?!

– Я полагаю, что из-за профнепригодности, – ответил уклончиво Прохор.

– А профнепригодность твоя из-за пьянки! – безжалостно уточнила супруга. – Как хочешь, но в институте ты должен остаться! Иначе останешься без меня, но со своими кредитами!

Бурундуков хотел было ответить супруге, что пьянка – это не причина, а следствие его непригодности как программиста, но та, громко хлопнув кухонной дверью, ушла смотреть сериал. Тогда он решил выместить свою злость на фарфоровой обезьянке: схватил ее в горсть с желанием грохнуть о пол, но... выждав мгновение, аккуратно поставил в шкафчик, к спиртному. Затем Прохор с горя налил себе полный стакан, но пить почему-то не стал, а отрешенно уставился в ночное окно.

Около года назад Бурундуков по настоянию жены устроился в институт, где программистом работал его друг Альфред Таненбаум. Юлии постоянно не хватало денег «на жизнь», и она очень надеялась, что ее муж будет зарабатывать столько же, сколько и Альфа (так называл своего приятеля Прохор).

У Бурундукова в институте дело не сразу пошло. Вначале он так сильно тупил, что сослуживицы за глаза иногда даже называли его ДУНДУКОВЫМ. Но Прохор был очень упорен и по-хорошему зол. И в результате большого труда, а также активной помощи Таненбаума он всё же стал средней руки программистом. Однако

при этом не обошлось без издержек: чтобы снять напряжение после работы, Прохор стал выпивать.

Прошел где-то год, который Бурундуков провел в неустанном труде. Новоиспеченному специалисту отдохнуть бы недельку-другую, но вместо отпуска начальник отдела вдруг ни с того ни с сего выдал ему такую задачу, от которой тот едва не свихнулся. Прохор не выдержал и стал пить, уже не шутя. Конечно, на работе это тотчас заметили. Бурундукова предупредили раз, другой, третий, однако всё было тщетно. Дело мало-помалу шло к увольнению. И вот сегодня над его головой наконец грянул гром с институтского неба.

Бурундуков был с утра как штык на работе, однако... немного нетрезвый, как говорят в таких случаях, «после вчерашнего». Стараясь не выдать себя, он сходу прошел на свое рабочее место и сел за компьютер. Но фокус на этот раз не прошел. Минут через пять к нему подошла «коллега по цеху» Лариса. «Бурундуков, – пропела она с кисло-сладкой улыбкой, как будто бы только что разжевала из чая лимон, – тебя вызывает Юрий Петрович».

Казалось бы, не произошло ничего необычного: с ним хочет о чем-то поговорить начальник отдела Мещеряков. Но почему-то у Прохора всё оборвалось внутри. Возможно, гнетущее впечатление произвела на него кисло-сладкая улыбка Ларисы. Возможно, и то, что он был в очередной раз нетрезв, и в этой связи общаться с начальником ему совсем не хотелось. Но как бы то ни было, настроение у него резко упало.

Мещеряков встретил Прохора почему-то печальной улыбкой.

– Ну, что у вас с ВАШЕЙ работой? – спросил он с таким выражением лица, какое бывает лишь у врача, стоящего у овра смертельно больного.

– Идет помаленьку, Юрий Петрович, – смутился Бурундуков.

– Ну, помаленьку – это значит никак, – начальник совсем заскорбел.

– Уж слишком задачу вы мне сложную дали.

– Задача обычная. С такими задачами известный вам Таненбаум справляется очень легко. Вам, очевидно, пьянка мешает, – начальник проницательно посмотрел на Бурундукова: – Вы, кажется, и сегодня нетрезвы.

– С утра я не пил, – потупился Прохор.

– Ну, значит, хватило вчерашнего, – короткими пальцами Мещеряков выбил по крышке стола нечто похожее на траурный марш. – Вчера я был у Меркурьева Евгения Титыча, директора нашего института. И он предлагает, скорее даже настаивает на том, чтобы вас как можно скорее уволить.

Смятение и ужас исказили физиономию Прохора:

– Юрий Петрович! Меня нельзя увольнять! У меня кредиты, жена! Я брошу пить! Даю вам честное слово!

Начальник отдела ответил грустной улыбкой:

– Я попрошу, конечно, за вас Евгения Титыча, но... сомневаюсь, что он мою просьбу уважит. Нужно, наверное, сделать какой-то решительный шаг, чтобы избавиться от тяги к спиртному. Ну, например, зашить специальную ампулу ...

– Вы предлагаете зашить мне «торпеду»?! – у Бурундукова глаза полезли на лоб. – Да никогда в жизни!

– Выбор за вами, – жестко закончил Мещеряков. – Либо уволитесь, либо зашьетесь. Я жду ответа не позднее чем завтра.

Весь вечер и ночь Бурундуков просидел на кухне. Рассвет застал его с пустой бутылкой, с которой он спал в обнимку.

Глава вторая

«НОУ-ХАУ» ДЛЯ АЛКОГОЛИКОВ

На следующее утро Бурундуков был на работе одним из первых. Однако начальник отдела, который на работу обычно приходил вовремя, на этот раз почему-то задерживался. Прохор стал нервничать, чем дальше, тем больше. Уже через час он буквально не находил себе места. Когда наконец-то Мещеряков появился в отделе, Бурундуков, отбросив приличия, тут же прошел за ним в кабинет и выдохнул фразу, которую приготовил еще вчера вечером:

– Юрий Петрович, я согласен зашиться.

Однако Мещеряков его как будто бы и не слышал – он вперился взглядом в какие-то документы, лежащие у него на столе.

– Юрий Петрович! – повторил Бурундуков уже громче.

Начальник оторвался от какой-то бумаги:

– Ну что же, я за вас рад.

– Тогда отпустите меня, пожалуйста, в наркодиспансер, – уже немного спокойнее попросил его Прохор.

– В наркодиспансер, возможно, вам и не надо, – с какой-то странной задумчивостью начальник посмотрел на своего подчиненного.

– Как это не надо?! – Бурундуков как будто быстро бежал и вдруг наткнулся на стеклянную стену.

– Видите ли, в чем дело... – Мещеряков задумчиво побарабанил пальцами по столу. – Евгений Титыч был сегодня со мной откровенен: у него есть не очень удачный личный опыт по имплантации так называемой торпеды. В этой связи он принимает в вас участие и предлагает вам альтернативу.

– Какую? – обреченно выдохнул Бурундуков.

– Как утверждает наш директор, сейчас есть «ноу-хау» для алко... для пьющих. А если коротко, то разработан чип, который действует более щадяще, чем торпеда, – Мещеряков значительно взглянул на Прохора. – Больше того, в определенной мере чип стимулирует умственную деятельность. В этой связи возможна даже прибавка к заработной плате, если, конечно, вы будете работать эффективнее, чем прежде.

– Торпеда или чип – не всё ли равно, – не скрывая облегчения, проговорил Бурундуков.

– Ну вот и славно, – удовлетворенно кивнул начальник. – Возьмите договор по имплантации этого чипа и почитайте, – он протянул Бурундукову несколько листов с довольно мелким текстом, который только что сам изучал.

– А что читать-то, – Прохор уныло посмотрел на договор, – менять ведь ничего не будете?

– Не будем, – подтвердил начальник.

Бурундуков притулился к столу и подписал каждый лист договора.

– Ну что же, – пальцы Мещерякова выбили бравурный марш, – сейчас поедете в лабораторию, где вам имплантируют чип. После чего несколько дней отдохнете: нужно привыкнуть к имплантату. Ну а потом – милости просим на работу.

Всё то, что дальше происходило с Бурундуковым, ему представлялось словно во сне. Служебная машина его привезла в какой-то особнячок без вывесок и опознавательных знаков. В особнячке Прохора провели в блистающий чистотой кабинет, в котором его встретила очень вежливая женщина в белом халатике. Она попросила своего пациента присесть на кушетку и минуту ее подождать. Однако обещанная минута растянулась, поскольку дама в халате усиленно что-то искала. Когда же нашла, пинцетом ухватила искомый предмет и за каким-то рожном поднесла его к самому носу Бурундукова. Как оказалось, это был чип. Чип выглядел острым и тонким, похожим на лезвие бритвы, и Прохору он не понравился. Желая как можно скорее закончить неприятную для него процедуру, Бурундуков сходу начал стаскивать с себя джинсы, чем несколько шокировал миловидную даму.

– Наденьте штаны! – строго велела она своему пациенту.

– А куда имплантировать чип? – удивился Бурундуков.

– Ваш чип совершенно не переносит ударов, поэтому он имплантируется только в подмышку, – пояснила дама в халате.

Из кабинета Прохор вышел как-то бочком и даже слегка ковыляя. В правой подмышке у него сильно саднило, и это очень мешало ходьбе. Та же машина довезла его до дома. А на пороге квартиры его встретила Юлия.

– Тебя оставили в институте?! – спросила она с таким выражением лица, как будто речь шла о ее жизни и смерти.

Не отвечая, Прохор проковылял мимо супруги на кухню, открыл заветный шкафчик, где стояло спиртное, и... замер при виде гадко улыбающейся ему обезьянки, которую сам туда и поставил. «Тебе, дружок, теперь сюда нельзя», – как бы говорила ее мерзкая рожа.

– Ну что, оставили?! – с нажимом, едва ль не истерично повторила Юлия.

– Оставили, – ответил ей бесцветно Прохор.

– Ну слава Богу! – супруга вздохнула с облегчением. – Как это тебе удалось?

– Сегодня я чипировался, – Бурундуков с тоской смотрел на отвратительную фарфоровую обезьянку, которая стояла между ним и водкой.

– Чипировался? – Юля удивилась. – Зачем? А-а-а... понимаю. Я видела это по телевизору. В ладонь вставляют чип. Он вместо пропуска. Ладонь прикладываешь – дверь и открывается.

– Только прикладывать придется мне подмышку, конечно, если у меня это получится... – с унылым видом сообщил Бурундуков.

– Как это? – жена не поняла.

– А это просто. Антиалкогольный чип мне имплантировали вот сюда, – Бурундуков ткнул пальцем себе под руку.

– Антиалкогольный чип... Разве такие уже есть? – снова удивилась Юлия.

– Как видишь, появились. Пожалуйста, налей мне чаю. Там рана, и она болит, – Прохор изобразил страдальческую мину.

– Ах, ты мой маленький! – Юля поцеловала мужа в щеку. – Сейчас я для тебя всё сделаю.

Бурундуков расцвел и сел за стол. А Юлия стала собирать всё к чаю, при этом не переставая ворковать:

– Ты, Проша, сделал правильно, что согласился на этот антиалкогольный чип. Ты бросишь пить. Будешь работать и

наконец-то выплатишь кредиты. А чип... Что чип? Вот ранка поболит немного, и ты о нем забудешь.

На эту реплику супруги Прохор не ответил, лишь как-то странно на нее взглянул. Какая-то нелепая и глупая мыслишка, как гусеница лист капусты, грызла его мозг. Бурундукову почему-то мнилось, что вместе с этим чипом в него вселилось НЕЧТО, непонятное, живое. И это НЕЧТО может жизнь его перевернуть вверх дном.

Глава третья

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Бурундуков тупо смотрел на дисплей: мысли, как пьяные, едва шевелились в его голове. Прошло две недели, после того как ему имплантировали чип. И всё это время он пребывал в каком-то чумовом состоянии, очень схожем с тяжелым похмельем. Свой крайне необычный недуг Прохор связывал только с чипированием. Он даже стал исподволь испытывать чувство ненависти к чипу, как будто бы тот был действительно живым существом.

Масла в огонь подливал еще и начальник. С назойливым и даже каким-то не очень естественным любопытством он время от времени спрашивал у Бурундукова: «Ну, как у вас, Прохор, дела?» Когда же Бурундуков в очередной раз ему отвечал, что «с делами у него никак», он почему-то чрезвычайно этому огорчался. Вот и сейчас начальник отдела, проходя мимо Прохора, как бы между прочим задал ему тот же вопрос:

– Как ваша работа?

– Юрий Петрович, я же вам говорил, что никак. После чипирования у меня дьявольски болит голова.

Секунду-другую Мещеряков был в затруднении, затем выжидательно произнес:

– Так, может быть, чип мы у вас удалим?

Бурундукову так хотелось воскликнуть: «Конечно, эту дрянь надо из меня удалить!» Но за удалением чипа следовало его увольнение из института, чего допустить он не мог. Поэтому Прохор через силу выдавил:

– Давайте подождем еще несколько дней. Возможно, всё и наладится.

– Ну что ж, подождем, – покладисто ответил начальник.

Мещеряков, слава Богу, ушел, но к Прохору совершенно некстати обратилась его сослуживица по отделу Арина:

– Ты, Проша, почему-то сегодня совсем никакой. Давай я тебе крепкого чаю с лимоном налью?

Бурундуков с тоской посмотрел на «добрую» женщину, соображая, что бы ей такое деликатно ответить, однако его упредила язва Лариса.

– Конечно, с лимоном, но только не чай, а коньяк, – проговорила она со своей кисло-сладкой улыбкой.

– Да ну вас всех к черту! – совсем уж неделикатно послал назойливых дам Бурундуков. – Я лучше пойду – покурю.

Он заторможенно встал и старческим шагом пошаркал в курилку. Однако и тут Прохора ждала неудача: последнюю сигарету он умудрился сломать. Подобное, казалось бы, крайне незначительное обстоятельство добило его окончательно. Внезапно он почувствовал себя жалким, раздавленным, как будто треклятая жизнь навалилась на него, точно тяжкий камень-валун.

Бурундуков опустился на стул и опустошенно уставился в заплеванный пол. Но вдруг до него, словно яркий солнечный луч сквозь тяжелые тучи, пробился серебряный девичий голос:

– Бурундуков, хватит сопли наматывать на кулак! Возьми себя в руки!

От неожиданности Прохора бросило в жар. Он даже затравленно оглянулся по сторонам, но... никого не увидел.

– Ну всё! Мне конец! У меня начинаются глюки, – пробормотал он растерянно. Но тут же услышал в ответ:

– Какие глюки, придурок! Тебя же предупреждали, что тебе имплантируют чип. Так вот это чип с тобой говорит!

– Что-что?! – Бурундуков совсем одурел. – Какая-то мелкая пластинка со мной разговаривает?

– Ну да, разговаривает, милый мой, дорогой, – девичий голос стал и вовсе насмешливым. – А дело всё в том, что я не пластинка, а Искусственный Интеллект. Зовут меня Федор. Будем знакомы.

Девический голос Искусственного Интеллекта так не вязался с мужицким, грубым именем Федор, что Прохор, уже почти потерявший способность соображать, невольно хихикнул:

– Так кто же ты – Федор или Федора? Ты баба или мужик?

По всей вероятности, Бурундуков затронул тему, крайне болезненную для Искусственного Интеллекта. Тот долго молчал, затем с нескрываемой обидой ответил:

– Конечно, мужик. А женский голос мне баба-конструктор поставила. Решила, что так мне будет легче общаться с объектом.

– И кто же этот объект? – наивно спросил слегка приободрившийся Прохор.

– Объект – это ты! – Искусственный Интеллект сказал это так, как будто поставил клеймо на Бурундукове. – Представь, когда самолету приходит каюк, пилоту, чтобы он сразу не обосрался, об этом говорит женский голос. Вот так и с тобой. Ты запаниковал, когда тебе начальник сказал, что меня удалят, а я моментально тебя успокоил.

– Что-что? Ты меня успокоил?! – Прохор не смог удержать гомерический смех. Он знал! Он догадывался, что эта штука живая! Но то, что она будет еще болтать и выпендриваться, на это у него воображения не хватило.

– Ну да, успокоил, – невозмутимо подтвердил Искусственный Интеллект, – от паники у тебя и следа не осталось. Или ты со мной будешь спорить?

Бурундуков какое-то время не отвечал. Как ни крути, а Федор был прав. Мрачные мысли, что одолевали его, куда-то ушли. Их заменили крайнее изумление и вполне объяснимая злость на неожиданно объявившегося Федора.

– И что же, Федя, мы с тобой будем делать? – спросил он с затаенной ненавистью.

– Работать, – с непоколебимой уверенностью ответил ему девичий голос.

– Работать?! – Прохор едва не задохнулся от злости. – Да я с тобой не то что работать – жить не могу! С тех пор как тебя мне запихали в подмышку, я постоянно хожу как с похмелья.

– В псевдозапойное состояние ввел тебя я. Мне нужно было поразмышлять на досуге, что делать с тобой дальше. Я, видишь ли, создан не для таких засранцев, как ты, а для десантуры и должен учить стрелять, убивать или просто бить в морду. Однако сейчас я уже решение принял, поэтому голова у тебя перестанет болеть.

И тут же Прохор почувствовал, что голова у него, действительно, перестала болеть, а старческая немощь исчезла. С одной стороны, эта чудесная метаморфоза его чрезвычайно обрадовала, с другой – он еще больше разозлился на Искусственный Интеллект.

– Теперь мне понятно, почему ты умный такой, – процедил он сквозь зубы. – Мещеряков обещал, что взамен торпеды мне поставят простенький чип, а вместо этого мне подмышку зашили десантника.

– Тебе же и лучше.

– Нет уж, не лучше! – взъерепенился Прохор. – Начальник мне только что предлагал тебя удалить. Сейчас я иду к нему и говорю, что согласен!

– Не надо этого делать! Поверь, всё у нас будет нормально.

– Конечно, всё будет нормально, – «покладисто» подтвердил Бурундуков. – Тебя извлекут, а мне другой чип поставят.

– Послушай, Проня, если ты сейчас двинешь к Мещерякову, то мне придется сломать тебе нос! – девичий голос, несмотря на угрозу, звучал очень нежно.

– И как ты это сделаешь? – Прохор презрительно рассмеялся.

– Сделаю! Не сомневайся.

– Ну черт с тобой! Делай!

Бурундуков резко поднялся со стула, однако нога у него неожиданно подвернулась, и он рухнул на пол, как будто кто-то невидимый ему ловко поставил подножку.

Буквально через минуту в курилку заглянула Лариса, чтобы за сигаретой слегка отдохнуть от работы. Однако, увидев недвижно лежащего Прохора, она изумленно всплеснула руками и, как комета, помчалась с докладом к начальнику: «Юрий Петрович! А наш-то Бурундуков допился до ручки! В курилке пьяный валяется!»

Через минуту в курилке уже был весь отдел. Бесчувственного Бурундукова подняли и, как покойника, положили на стол, после чего вызвали «скорую». В больницу сопроводить его напросилась Арина. Мещеряков хотел было ей возразить, но, сообразив, что сейчас она может расплакаться, махнул рукой и ушел к себе в кабинет.

Глава четвертая

ЧИП и ПРОГА

В больнице Бурундуков провел несколько дней. По странному и не очень хорошему стечению обстоятельств у него оказались сломаны нос и рука. На время лечения Искусственный Интеллект оставил своего подопечного в полном покое. Однако, как только Прохор вновь оказался у себя дома и грешным делом прилег на диван, его, словно током, ударил знакомый девичий голос:

– Бурундуков, как ты себя чувствуешь? – заботливо спросила «девица». – Я только хотел тебя попугать, но ты растянулся на полу, как сопля, и сам сломал себе руку и нос. Хотя бы немного сгруппировался. Ну ничего, над этим мы с тобой еще поработаем.

– Над этим будешь работать уже без меня! – запальчиво возразил ему Прохор.

– Да нет же, с тобой, – нагло и одновременно нежно пропела «девица». – Мы просто обязаны с тобой подружиться.

– Обязаны?! – Бурундуков издал деревянный смешок. – Ты извини, но друзьям носы не ломают.

– Но ты же, дружище, сам виноват. Хотел на меня накапать начальству, – на этот раз Искусственный Интеллект был настроен весьма примирительно. – Пойми, старина, если меня из тебя удалят, то сразу же выбросят на помойку. Причиной тому одна

долбанутая обезьяна, в которую меня еще до тебя имплантировали. Я попытался обучить ее приемам рукопашного боя, а эта дура возьми да взбесись. Ее пристрелили, а меня официально признали бракованным, ну если по-вашему, по-человечьи, то сумасшедшим.

– Выходит, что мне имплантировали бракованный чип?! – у Прохора от таких откровений глаза полезли на лоб.

– Ну да. Эта баба в белом халате всё перепутала. В шкафах у нее полный бардак! – невозмутимо ответил ему Искусственный Интеллект. – Но тебе-то это и лучше.

– Мне лучше, что ты сумасшедший?! – Бурундукову казалось, что он и сам сходит с ума.

– Ну да. Потому что я гений! – голос «девицы» внезапно преобразился и зазвучал почти что торжественно. – Тебе приходилось держать в руках труд величайшего психотерапевта Чезаре Ломбразо «Гениальность и помешательство»? – и, не дождавшись ответа, Искусственный Интеллект тут же продолжил: – В этом исследовании выдающийся ученый проанализировал поведение всех известных ему сумасшедших и сделал потрясающий вывод: все сумасшедшие – гении!

– И в чем заключается твоя гениальность? В ломании рук и носов?

– И в этом, вне всякого сомнения, тоже. Но главное в том, что я могу чему угодно быстро учиться. Ну, например, программированию.

– Что-то я этого не заметил, – скептически усмехнулся Бурундуков, – в моей подмышке ты сидишь уже три недели, а работа не движется.

– Всё это время я не только присматривался к тебе, но еще и учился. Теперь, разумеется с помощью твоего лучшего «друга» Федора, ты будешь задачи по программированию щелкать как семечки. Отныне уже никто в институте не посмеет тебя назвать ДУНДУКОВЫМ.

Бурундукова буквально перекорежило: он на дух не переносил, когда сослуживцы называли его ДУНДУКОВЫМ. А тут... даже и не человек, а... черт знает что.

– Значит, ты Федор, а я ДУНДУКОВ, – каждое слово, которое Прохор произносил после паузы, было напитано желчью. – Знай же, выпендривающаяся ЖЕСТЯНКА, что ты для меня всего лишь программа, ЧИП, если хочешь, но никак уж не Федор.

– Вот как! А ты не программа? – «девица» рассыпалась холодным, серебристым смешком. – Ты человек и тоже программа, иначе бы я не появился на свет. Впрочем, зови меня Чип. Я не против. А я буду называть тебя Прога.

Прохор с ненавистью засопел, но...смолчал. Он уже окончательно принял решение при первой возможности избавиться от своего наглого электронного «друга».

Через неделю Бурундукову наконец-то закрыли больничный, и он пришел в институт.

Глава пятая

ЧИП НАЧИНАЕТ РАБОТАТЬ

Начальник, завидев Бурундукова, явившегося на работу после болезни, немедленно пригласил его к себе в кабинет.

– Садитесь, – подчеркнуто вежливо обратился он к своему подчиненному.

Бурундуков сел на стул весь в ожидании, что ему сейчас скажут. Однако Мещеряков был сам на себя не похож и почему-то нерешительно медлил.

– Так вот... – начал было он говорить и тут же попытался пальцами выбить бодрую барабанную дробь, однако мелодия не задалась и угасла. – После этого случая с вами в курилке мы вас уволить хотели, но... – начальник как-то странно посмотрел на Бурундукова, – в вашей крови, как ни странно, не обнаружилось ничего подозрительного...

– Так что ж вы решили?! – не выдержал долгого вступления Прохор.

– Директор решил... – Мещеряков скосоротил какую-то невнятную мину, – что этот чип из вас удалят, а вам имплантируют новый.

Не выдержав напряжения, Бурундуков рассмеялся и тут же счастливо обмяк.

– Когда этот чип у меня удалят? – спросил он, сияя улыбкой.

– Не ранее чем через неделю, – подумав, ответил Мещеряков. – Найти новый чип не так-то и просто.

– А можно мне этот чип СЕЙЧАС удалить, а новый поставить потом?

– Нельзя! – сказал, как отрезал, Мещеряков. – Возможно, этот чип еще в вас и приживется. Пока поработайте с ним.

Из кабинета начальника Бурундуков выходил в состоянии, очень близком к состоянию свежей коровьей лепешки: он был таким же аморфным и абсолютно безразличным ко всему, что происходило вокруг. Одна только мысль, что жить с «другом» Федором ему придется еще, по крайней мере, неделю, вызывала у него отвращение. Однако Искусственный Интеллект не разделял

настроения Прохора. Как только последний вернулся на свое рабочее место, он нервно и торопливо заговорил:

– Вот гады! Видно пронюхали, что я бракованный! Теперь НАМ, Прога, нужно показать, на что МЫ способны. Ты не бери простую задачу. Решим сейчас ту самую, сложную, на которой ты сломался месяц назад.

– Шел бы ты к черту! – «Прога» ответил Чипу безразлично и вяло. – Решай всё что хочешь, но без меня.

Прохор всё же сел за компьютер, но, вместо того чтобы работать, начал играть в какую-то очень простую игру, которая первой ему подвернулась под руку. Бурундуков всё играл и играл и даже забыл о «чертовом Чипе». Но почему-то через какое-то время игра вдруг с дисплея исчезла, а вместо нее появилась задача, с которой и начались у него большие неприятности по работе. Из состояния ступора его вывел мелодичный девичий голос:

– Ты, Прога, ее сейчас расколешь как грецкий орех!

И в этот момент Бурундукова точно ошпарило – он вдруг увидел, как можно решить эту сложную ТАСКУ, как именуют на «айтишном» жаргоне задачу. И это решение было почему-то очень похоже на ту незамысловатую игру, которая только что его так увлекала.

Еще не веря себе, Бурундуков не меньше минуты таращился на экран. После чего его пальцы живо забегали по клавиатуре. В этот момент Прохор напоминал себе пианиста, который, исполняя музыкальную пьесу, внезапно поймал небывалый кураж.

Прошел где-то час, в течение которого Прохор напряженно работал, и вот наконец-то треклятая задача была решена. И тут небывалая эйфория захлестнула его, и он рассмеялся радостно, громко и... как оказалось, совершенно не к месту. Присутствующие

на него с удивлением оглянулись. Но это по непонятной причине еще больше развеселило Бурундукова. Он рассмеялся еще и еще, не в силах себя удержать. И вот уже громкий до неприличия смех им овладел без остатка. Подобно какому-то веселому водопаду, он, громяхая, извергался из глотки счастливого Прохора, переполнял всё пространство отдела и вырывался наружу, минуя открытую дверь.

Теперь уже все с изумлением и даже со страхом смотрели на Прохора, как будто сам бес вселился в него. И чей-то испуганный голос, похожий на голос Арины, уже предложил вызвать «скорую». Но вместо «скорой» Лариса позвала Мещерякова.

Явление начальника перед своим подчиненным было подобно явлению Святого перед одержимым бесом больным. Бес моментально был изгнан из грешного тела Бурундукова. Тот перестал глупо ржать и даже слегка помрачнел.

– Что за веселье в рабочее время? – ноздри начальника трепетно раздувались в тщетной попытке уловить причину столь неуместного смеха.

– Юрий Петрович, я эту хренову таску решил, ту, очень сложную, что вы давали мне месяц назад! – Прохор сказал это и облизнулся так, как облизывается прожженный плут кот, съев уворованную у хозяйки сметану. Мещеряков мрачно посмотрел на него и произнес похоронную речь:

– Вот, твою мать! Всё же допился, паразит, до белой горячки!

Глава шестая

ПЕРВЫЕ УРОКИ

После работы Бурундуков возвращался домой, точно в розовом облаке. В кои-то веки он с большим удовольствием вспоминал, что с ним сегодня произошло в институте.

После того как начальник произнес свою похоронную речь, он мимоходом взглянул на компьютер Бурундукова и... тут же замер в позе, достойной кисти художника: как-то хитро изогнувшись вопросительным знаком и вытаращив в изумлении глаза. В таком положении Мещеряков пребывал относительно долго. Когда же он выпрямился, ватным голосом приказал подчиненным разойтись по своим рабочим местам, а Бурундукова вежливо попросил «погулять».

Проход «погулял» и минут через двадцать заглянул в свой отдел. Теперь за его компьютером вместе сидели начальник и Альфред Таненбаум, лучший программист института. От нечего делать Бурундуков вновь стал слоняться по коридорам. Так продолжалось до тех пор, пока он не повстречал Таненбаума, который, по-видимому, наконец-то освободился. Альфред чрезвычайно внимательно посмотрел на него, но почему-то не сказал ни единого слова, а лишь кивнул головой. Сообразив, что проверка решения задачи наконец-то закончена, Проход заторопился в отдел. Мещеряков уже был в своем кабинете. При виде Бурундукова он выстучал по столу бравурный марш, после чего, довольно улыбаясь, сказал:

– Я думаю, что с заменой вашего чипа надо повременить. Пока поработайте с этим. Сейчас я вас отпускаю домой. Идите и отдохните.

Едва начальник закончил тираду, как тут же Прохор услышал суфлерский шепот электронной «девицы»:

– Не будь дураком, Прога! Прибавку проси!

– А как же обещанная прибавка к зарплате? – ничтоже сумняшеся, брякнул Бурундуков.

Улыбку Мещерякова сменила кислая мина:

– Не я обещал, а директор.

– А я думал, что... – попытался настаивать Прохор.

– Не надо думать, – мягко поправил его начальник, – надо работать.

Но даже отказ Мещерякова повысить зарплату не мог сегодня испортить настроение Бурундукову. Он шел домой не спеша, уже предвкушая, как будет рассказывать Юлии об успешном решении сложной задачи. Однако шаги его начали вдруг замедляться. Глаза Прохора, точно магнитом, притягивала синяя вывеска через дорогу: на вывеске, будто морозным узором, изображено было ласково-холодное слово «Снежок». Это была известная в округе пивная, которую завсегда и называли почему-то «Сугроб».

– Послушай, Чип, – Прохор выдержал паузу, вероятно, колеблясь, – ты антиалкогольный или... не совсем?

– Да за кого ты меня принимаешь?! – возмутился Чип. – Ты выпить хочешь? Иди и выпей! Десантура тоже выпивает!

– Добро! – покладисто ответил Бурундуков и напрямик направился в пивную.

В «Снежке» после выпивки настрой у Бурундукова стал совсем благодушным, и это благодушие распространилось так далеко, что затронуло даже Мещерякова.

– А всё же хороший человек мой начальник, – без видимой причины произнес он вслух. Но тут же в его пиво-водочную пастораль ворвался резкий голос Чипа:

– Поверь мне, Прога, твой любимый Мещеряков мерзавец и последняя сволочь. Он нас с тобой хотел разлучить. За это ему надо морду набить!

Конечно, в глубине души Бурундуков признавал, что Чип в чем-то прав. И не исключено, что Мещеряков, действительно, последняя сволочь. Но электронный «друг» своей репликой в момент изгадил ему весь благостный душевный настрой. Учитывая это последнее, крайне важное обстоятельство, он грудью встал на защиту начальника:

– Послушай, Чип, Мещеряков отличный мужик. Он упросил директора оставить меня в институте, когда меня хотели выпереть оттуда за пьянку.

– Ты говоришь, что упросил. Да тебя, Прога, просто дурят. Ты вот послушай, что о тебе сегодня говорили директор института и Мещеряков.

– У меня нет желания подслушивать чужие разговоры, – ответил с пьяным гонором Бурундуков, но после паузы дополнил почти трезво: – А кроме того, нет такой возможности.

– Возможность-то я тебе предоставляю, – многообещающе проговорил девичий голос.

В голове у Бурундукова что-то брякнуло, звякнуло, после чего раздались телефонные гудки. И вдруг он услышал голос Мещерякова, так четко, ясно, как будто тот был рядом с ним:

– Евгений Титыч, я рад вам сообщить, что у ДУНДУКОВА заработал чип. Он наконец-то справился с тем сложным заданием, которое я ему дал по вашей рекомендации.

В ответ на подобострастную реплику Мещерякова послышался барски-снисходительный голос директора института Меркурьева:

– Не надо умахать своих заслуг, Юрий Петрович. Это была ваша идея – дать этому Дунду... Бурундукову непосильную для него задачу, чтобы он сломался. Надеюсь, что он не догадывается, что ему вместо «торпеды» вживили чип, стимулирующий работу мозга?

– Он радуется жизни, Евгений Титыч. И уже требует прибавку к заработной плате.

– Шустер. Пусть поработает сначала.

На этом разговор Мещерякова с директором прервался.

Довольно долго Бурундуков молчал. До него очень туго доходило то, что он сейчас услышал.

– Так, значит, ты не антиалкогольный. Ты совсем другой, – пробормотал он наконец. – Да я на этих гадов в суд подам за то, что они сделали из меня подопытную крысу!

– Нет, не подашь, – насмешливо ответила «девица». – Ты договор подписывал о том, что тебе ДОБРОВОЛЬНО имплантируют экспериментальный чип.

– Вот сука! – с тихим бешенством вдруг выдохнул Бурундуков.

– Это я-то сука?! – обиделась «девица».

– Начальник сука, – уточнил Бурундуков. – Сейчас пойдем бить ему морду.

– Нельзя начальнику бить морду! – Чип запаниковал. – Тебя уволят! А меня, конечно... удалят!

– А мне плевать! – гремучая пиво-водочная смесь ударила Бурундукову в голову.

– Ну хорошо, – девичий голос стал внезапно нежным, ласковым, – набить хлебало Мещерякову, конечно, нужно. Но ты, надеюсь, в курсе, что у него первый разряд по боксу.

– А мне плевать! – Бурундукову сейчас не то что море, океан был по колено.

– Тогда я предлагаю тебе, Прога, пройти довольно легкий тест.

– Какой еще там, к черту, тест?!

– Простой, а главное – доступный. Сейчас ты выйдешь из шалмана и увидишь двух ханыг. Один из них бросит бычок на тротуар.

– А я причем? – Бурундуков тупил.

– А ты, – девичий голос стал нежно-лилейным, – ты, Прога, ему замечание сделаешь. Тут, врать не буду, он тебя ударит. Сумеешь увернуться от удара – молодец! Тогда идем лупить Мещерякова. А если нет – тогда уж извини.

– Да, делать нечего! – Бурундуков, качнувшись, встал. – Я им обоим сейчас набью морду!

– Тогда – вперед! – девичий голос внезапно отвердел.

Неверной походкой Бурундуков пошел на выход. Действительно, двое ханыг курили возле двери. Один из них, завидев Прохора, как по команде швырнул ему под ноги тлеющий окурок.

– Молодой человек! – каким-то неестественным, петушиным фальцетом «прокукарекал» Бурундуков. – Вы нарушаете общественный порядок! Немедленно поднимите бычок с тротуара!

Последнее, что увидел Бурундуков, были удивленные глаза ханыг. Затем он услышал знакомый девичий голос: «Хук слева! Идиот! Пригнись!» Пригнуться Прохор не успел и тут же рухнул на заплеванную урну. Как сквозь подушку, он услышал ангельский напев: «Нокаут, Прога. Ты уж извини».

Глава седьмая

СМЕРТЬ ФАРФОРОВОЙ ОБЕЗЬЯНКИ

Следующее утро после столь «удачного» посещения «Снежка» выдалось для Бурундукова бодрым во всех отношениях. Всё началось ровно в шесть, когда за окном еще стояла непроглядная зимняя темень. «Пятая батарея, подъем!» – глумливый бас ротного старшины Пиндюка, напоминающий Прохору несладкую армейскую службу, взорвал его утренний сон. Он моментально вскочил на кровати и стал одурело крутить головой – нет, слава Богу, ему это только приснилось. Он успокоился и тут же зарылся в постель, но отвратительный бас настиг его снова: «Пятая батарея, подъем! Рядовой Бурундуков! Вам что, отдельное приглашение надо?!» В конце концов Прохор понял, что с ним происходит.

– Ты что, надо мной издеваешься, Чип?! – с тихим бешенством спросил он у своего электронного «друга» и тут же услышал в ответ нежный девичий голос:

– Прога, родной! Ты же вчера позволил какому-то ханыге себя в ухо ударить. Будем с сегодняшнего утра учиться приемам рукопашного боя.

– Ты утверждал, что у тебя на голосе блок. А со мной заговорил, как п... – тут Прохор произнес крайне неприличное слово, очень созвучное фамилии его бывшего старшины.

– Был да сплыл, – вновь отвратительным басом ответил Искусственный Интеллект. – Взломал я его. А заговорил как Пиндюк, чтобы тебя после пьянки с постели поднять! Хочешь, и дальше буду так с тобой разговаривать?

– Нет! Не хочу! – перед глазами Бурундукова тотчас всплыло засранное очко в армейском сортире, которое он драит зубной щеткой под неусыпным надзором старшины Пиндюка!

– Как пожелаешь, Прога, – Чип с утра был очень покладист. – А теперь, будь добр, надень штаны. Мы с тобой сейчас будем делать разминку.

Проклиная и Чипа, и вчерашнюю пьянку, Прохор нехотя поднялся с кровати, но его тут же настиг недовольный голос жены:

– Бурундуков! Мало того что ты вчера вечером домой пришел никакой, ты и сегодня еще с утра куролесишь?!

– Я сейчас разминку буду делать для антиалкогольного чипа, – сурово ответил ей Прохор. – Вчера я при помощи этого чипа очень сложную задачу решил.

Юлия довольно долго молчала, видимо, обдумывая услышанную новость, после чего заявила:

– За решение задачи тебе дадут премию. А разминку иди делать на кухню.

Зарядка, которую Чип провел с Бурундуковым, ему неожиданно понравилась. Возможно, это произошло потому, что та оказалась щадящей и до изучения приемов рукопашного боя дело пока не дошло. Но как бы то ни было, Прохор на работу явился бодрым и

радостным. «Посмотрим-посмотрим, какую задачу даст мне сегодня начальник», – думал он, заходя в свой отдел.

«Смотреть» Бурундукову пришлось очень недолго. Уже в самом начале рабочего дня Мещеряков пригласил его к себе в кабинет и сообщил об очередной, уже ПЕРЕКИНУТОЙ ему таске. «Евгений Титыч сказал, что если вы справитесь, то вам будет премия», – добавил он к этому почему-то с ехидной улыбкой.

Вальяжной походкой Бурундуков прошел на рабочее место, включил свой компьютер и... его бросило в жар – проклятая таска была необычайно сложна. Он даже не знал, как к ней подступиться. Сейчас Прохор напоминал сам себе несчастного рыцаря-бедолагу, которому сволочь заказчик, вопреки договору, подсунул для драки зверюгу-дракона вместо молокососа-дракончика.

– Ну, что ты молчишь?! – обратился он раздраженно к Искусственному Интеллекту, который затих, словно мышка в норе.

– Боксерскую грушу сегодня купи, – ни с того ни с сего брякнул Чип.

– Зачем?! Кулаками задачу решать?! – вконец разозлился Бурундуков.

– Будешь тренироваться бить морду начальнику. Это его идея – тебе урок преподать, чтобы не требовал больше прибавки к зарплате. Мне нужно над этой таской хорошенько подумать. А ты пока поиграй – отдохни.

Весь день Бурундуков играл на компьютере, усиленно делая вид, что работает, а вечером угрюмый и злой вернулся домой, таща на себе огромную грушу.

Прохор потянулся к кнопке звонка, однако нажать ее не успел: дверь перед ним неожиданно распахнулась, и из прихожей, точно джин из кувшина, вырвался оглушительно-бешеный туш. Прохор

отпрянул и выронил тяжеленную грушу, грохнувшуюся прямо к порогу, на котором стояла жена. С плеч Юлии, возможно от сотрясения, соскользнула роскошная НОВАЯ шуба, и она оказалась в чем мать родила.

– Это зачем? – упавшим голосом спросила обнаженная Юлия и указала на лежащую грушу.

– Это для чипа, – угрюмо ответил ей Прохор. – А это зачем? – он пальцем ткнул на валяющуюся на пороге новую шубу.

– Это в счет твоей премии. Я хотела тебе сделать сюрприз, – пролепетала растерянно Юлия.

Как бы не замечая своей голой супруги и не снимая ботинок, Бурундуков прошел прямо на кухню к заветному шкафчику. Он распахнул дверцы шкафа, но вместо парада бутылок увидел... лишь издевательски улыбающуюся ему обезьянку.

– Где?! – указывая на опустевшие полки, спросил Прохор Юлию, которая стояла в дверях.

– Всё на помойке, – уже совершенно спокойно отвечала супруга. – ЭТО тебе мешает работать.

С ненавистью Бурундуков посмотрел на глумливую обезьянку и вдруг услышал подстрекательский девичий голос:

– Что ты стоишь?! Разбей ее к чертовой матери! Эта ехидная сволочь – копия той макаки, которая меня в свое время подставила!

Внезапная ярость охватила Бурундукова. Рука сама рванулась к шкафу, схватила в горсть обезьяну и что было силы швырнула о каменно-плиточный кухонный пол.

Весь вечер Бурундуков, как зверь, колотил боксерскую грушу. Когда он совсем обессилел и прекратил ее бить, к нему заглянула с опаской жена:

– Проша, я шубу могу сдать назад, в магазин. Если ты, конечно, этого хочешь.

Но Прохор лишь устало махнул ей рукой.

Глава восьмая

ПРОРЫВ

Следующим утром Бурундуков пришел в институт с тяжким чувством раба, которого в кандалах привели на галеру. Неохотно он сел на свой крутящийся стул и с большим отвращением стал просматривать вчерашнюю таску. Как и давеча, она показалась ему неприступной скалой, подступиться к которой не представлялось возможным. Прохор всё смотрел и смотрел на дисплей, ощущая, как он постепенно наливается злостью. И вдруг в голову ему пришла простая и внятная мысль: «Что боюсь? Вот попробую, а там и посмотрим». И тут он услышал знакомый девичий голос: «Ты, Прога, дерзай! А я тебе помогу!» И тут же, внимая призыву своего электронного «друга», в момент озверевший Бурундуков со всей силой обрушился на треклятую таску.

Прошел час упорной работы, но чертова таска по-прежнему стояла нерушимой скалой. Бурундуков погулял, отдохнул и с новыми силами бросился на приступ таски-скалы. Еще пролетело часа полтора, потраченных, казалось бы, совершенно безрезультатно, но вдруг точно яркая вспышка озарила сознание Прохора. Теперь уже пальцы забегали по клавиатуре, как будто бы сами собой, как будто бы они уже не принадлежали ему. Еще полчаса – и наконец нужный код для решения «неприступной» задачи был им написан.

«Скала» раскололась, рассыпалась в мелкий песок. Огромное напряжение спало, и Прохор внезапно почувствовал, что очень устал. Он заторможенным взглядом обвел свой отдел. Все занимались обычной, рутинной работой. И даже Арина, обычно ловившая его взгляд, сидела, уткнувшись в компьютер. Никто даже не подозревал, какую задачу сейчас он решил, какую громадную гору свернул.

Бурундуков посидел, наслаждаясь покоем, после чего не спеша и сознавая всю важность момента, направился к Мещерякову. Без стука он вошел в кабинет, не сел, а подчеркнуто опустил на стул и произнес очень слабым и даже несколько наигранным голосом:

– Юрий Петрович, я программу по вашей таске составил.

Если бы гром прогремел с потолка кабинета и в стол ударила молния, то и тогда это не произвело бы на начальника большего впечатления, чем фраза, произнесенная Прохором. Он пригнулся, как будто бы его сзади кто-то ударил, и произнес одурело:

– Не может быть!

– Может, Юрий Петрович, может, идите и ЧЕКАЙТЕ, – подчеркнуто равнодушно ответил Бурундуков.

– Да, хорошо. Я проверю, – Мещеряков потупил глаза.

Однако начальник не отправился сразу ЧЕКАТЬ или проверять решение задачи, а куда-то пропал. Он объявился уже в сопровождении Таненбаума и вместе с ним засел за компьютер Бурундукова.

Проверка решения растянулась едва ли не на половину рабочего дня. Прохор уже устал бесцельно слоняться по коридорам, когда к нему неожиданно подошел Таненбаум:

– Мещеряков просил передать, что он отпускает тебя домой, – проговорил он, глядя на Прохора как-то уж слишком внимательно.
– Ты знаешь, я тоже свободен. Наврал, что у меня болит зуб. Пойдем в «Снежок» – поболтаем.

– Пойдем – отдохнем культурно в «Сугробе», – не стал упрячиться Прохор.

Прятели взяли в пивной «как обычно» и сели за дальний столик, чтобы им никто не мешал. Сначала беседа у них как-то не клеилась. Альфред то и дело бросал на Бурундукова туманные взгляды, как будто желая что-то спросить, но, видимо, колебался. Однако по мере того как водка в графинчике иссякала, решимость его возрастала.

– Послушай, Прохор, – он наконец обратился к приятелю, – как это ты такую сложную задачу решил?

Секунду-другую Прохор тупо молчал, соображая, как ему лучше соврать, затем улыбнулся лукаво:

– Ты помнишь, как меня током ударило? С тех пор я поумнел.

Кривая усмешка исказила лицо Таненбаума:

– Ну да, поумнел. По пьянке больше за оголенные провода не хватаешься. А я вот слышал, что тебе имплантировали некий чудодейственный чип.

Бурундуков с удивлением смотрел на приятеля. «И кто же это тебе только сказал?!» – как бы говорил весь его вид.

Альфред улыбнулся на его безмолвный вопрос:

– Мне сообщил об этом Меркурьев.

– Директор?! – глаза у Прохора стали почти такими же круглыми, как рюмка, из которой он пил.

– Директор, – подтвердил спокойно Альфред. – Еще до тебя он предложил мне чипироваться. Но я отказался – сказал, что не киборг.

– Жалеешь теперь? – Прохор с интересом смотрел на приятеля.

– Жалею, – не стал отрицать Таненбаум. – И, глядя на тебя, думаю тоже имплантировать чип.

– А если у тебя не получится? От этого чипа у меня голова непереносимо болела.

Ядовитая желчь разлилась по лицу Таненбаума:

– Врешь! У меня всё получится! – произнес он высокомерно. – Ты просто боишься меня как конкурента!

Прохор взглянул в искаженное злобой и завистью лицо Таненбаума и еле сдержал себя, чтобы не дать ему в морду. Он собирался уже послать «недалеко» своего чванливого друга, но в этот момент кто-то положил ему на плечо тяжелую руку. Бурундуков удивленно поднял глаза и увидел какого-то мужика, который глумливо ему улыбался.

– Вам что-то надо? – Прохор удивленно спросил.

Мужик картинно развел перед его носом руками:

– Ну разве так можно не узнавать своих старых друзей? Ты лучше вспомни, как приказал мне поднять сопливый бычок с тротуара. За эту обиду с тебя магарыч.

Бурундукова вдруг осенило: глумливый мужик был тем самым ханыгой, который «тестировал» его по наущению Чипа. Сообразив это, он испытал неестественно бурную радость, оттого что может сейчас кого-то очень сильно ударить.

– Так говоришь, магарыч... – Прохор медленно встал и, развернувшись вполоборота, впаял свой кулак ханыге в живот.

И тут же вдогонку обрушил на своего противника град тяжелых ударов, которым научил его Чип. Спасло мужика только то, что он почти сразу упал. Бурундуков добавил ему ногой «на десерт» и только после этого увидел испуганные глаза Таненбаума.

– Валим отсюда! – приятель схватил его за рукав. – Не дай Бог, полицию вызовут!

Уже на улице Альфа, глядя во всё еще налитые кровью глаза Прохора, сокрушенно покачал головой:

– Я, Прон, в последнее время тебя не узнаю и даже начинаю бояться.

Культурный отдых в «Сугробе» не задался, и, выйдя оттуда, приятели тотчас разошлись по домам. У Прохора на душе было скверно. В глазах у него постоянно стоял испуганный Альфа: «Я тебя начинаю бояться!» Бурундукову и самому не очень-то нравились те дикие приступы бешенства, которые внезапно накатывали на него последнее время. В причинах он сам разобраться не мог. Однако ему неожиданно помог в этом Чип.

– Ты молодец, Прога! – похвалил он Бурундукова. – Достоинно разобрался с этим наглым засранцем. Но, правда, и я тебе в этот момент добавил немного адреналинчика в кровь.

– Так делают чипы для десантуры? – спросил его настороженно Прога.

– Да, – подтвердил Чип охотно, – нас так на заводе учили.

Глава девятая

СТРАСТИ ВОКРУГ ЧИПА

Как только на следующее утро Бурундуков явился в отдел, к нему тотчас подошла Лариса.

– Бурундуков, – пропела она со своей обычной «милой» улыбкой, – ты что такого вчера натворил? Начальник стоит на ушах. Зайди к нему. Он тебя ждет.

Сердце у Прохора тут же упало: «Неужели вчерашняя драка уже стала известна начальству?!» Со скверным предчувствием он переступил порог кабинета Мещерякова:

– Юрий Петрович, вы меня вызывали?

Начальник взглянул на него с крайне недовольной гримасой и отбросил бумагу, которую только что читал.

– Ну да, вызывал, – Мещеряков пальцами выбил какую-то неопределенную дробь и вдруг неожиданно и, как показалось Бурундукову, совершенно не по делу спросил: – Вам после чипирования, действительно, было плохо?

– Да, было плохо... – Прохор смешался, но тут же добавил вполне откровенно: – У меня очень сильно болела тогда голова...

– Вот черт! – почему-то выругался начальник. – А когда всё прошло?

– Да где-то через пару недель, – ответил Бурундуков, не желая вдаваться в детали своих отношений с Искусственным Интеллектом.

– Ну, пара недель – это еще ничего... – Мещеряков так задумался, что, кажется, вовсе забыл о существовании Прохора, но вскоре

опомнился и вскинул глаза: – Ну что ж вы стоите? Садитесь, подписывайте приказ.

Не понимая, что происходит, Бурундуков настороженно принял приказ, но, бегло его прочитав, внезапно почувствовал прилив невыносимой радости: его назначали старшим сотрудником. Еще не веря себе, он поставил каракулю рядом с вензельной подписью директора института Меркурьева. Однако сюрпризы на этом не закончились.

– Теперь распишитесь вот здесь, – Мещеряков с нескрываемой завистью взглянул на своего подчиненного.

Бурундуков просмотрел очередной документ, и вновь его сердце возликовало. Директор назначил ему очень весомую премию «за решение сложной задачи». Уже улыбаясь, он подписал еще один документ и, провожаемый мрачным взглядом начальника, вышел из кабинета.

Пожалуй, Бурундуков был сейчас почти что счастливым. Но полному счастью его мешала одна дрянная мыслишка, которая не давала ему покоя: «На кой черт Мещеряков так настырно интересовался его самочувствием после чипирования?» Подсказка пришла к нему минут через десять, после того как он покинул начальника. Совсем неожиданно для себя он услышал Меркурьева: «Имейте в виду, этот чип может вызвать у вас кровоизлияние в мозг!» Бурундуков даже вздрогнул и закрутил головой, однако директора института нигде не увидел. Он понял, в чем дело, когда после паузы раздался в ответ просяще-униженный голос начальника: «Евгений Титыч, по этому поводу я с Бурундуковым уже говорил. Как он утверждает, после имплантации чипа немного болит голова. Я полагаю, что это не так уж и страшно».

– Чип, что за фокусы?! – разозлился Бурундуков, сообразив, кто его так разводит.

– Я дал послушать тебе, как твой начальник выклянчивает у директора чип. Тебе, полагаю, это полезно.

– Ну, в принципе да, – неожиданно согласился Бурундуков. – Теперь буду знать, что у меня скоро появится конкурент.

– Наверяд ли, – усомнился Искусственный Интеллект, – скорее всего, твой начальник помрет. И я предлагаю ему в этом помочь.

– Не вздумай этого делать! – воскликнул испуганно Прохор.

– Ну ладно, не буду, – неохотно согласилась «девица». – Но только... по-моему, ты, Прога, напрасно его пожалел.

– Не трогай его, – буркнул Прохор в ответ.

Весь в мыслях о том, что его начальник тоже чипируется, он наконец-то сел за работу, однако в отдел, как порыв сквозняка, влетел Таненбаум.

– Нам нужно поговорить! – заявил он категорично.

Бурундуков едва взглянул на приятеля, как сразу понял: разговор отложить не удастся. Таким Таненбаума он еще ни разу не видел.

– Что ж, пойдем поболтаем, – Прохор с сожалением взглянул на компьютер.

Альфред притащил его в сумрачный коридорный тупик, в котором их никто не мог ни видеть, ни слышать.

– Ну что там стряслось? Говори, – спросил Альфу Прохор, несколько утомленный этой сверхконспирацией.

– Директор отказал мне в чипировании, – Альфред произнес эту фразу так отрешенно и горько, как будто бы он был приговорен к смертной казни и ему отказали в помиловании.

Бурундуков тут же вспомнил услышанный им только что разговор Мещерякова с директором института и усмехнулся:

– По всей вероятности, чипы теперь в дефиците. Но ты меня оторвал от работы, чтобы только это сказать?

– Не совсем, – Таненбаум искоса посмотрел на приятеля. – Дай слово, что ты меня внимательно выслушаешь.

– Да черт с тобой, Альфа! Но только, пожалуйста, поскорей! – терпение Прохора иссякало.

– Надеюсь, ты не будешь мне возражать, что до чипирования ты как программист был значительно ниже меня?

– Не буду! – Прохор качнул головой.

– А следовательно! – голос Альфреда стал почему-то неестественно тонким, высоким: – Я с чипом буду работать в разы лучше, чем ты?!

– Возможно! Но мне что с того?! – Бурундуков уже злился.

– Продай мне твой чип, – внезапно по-детски предложил ему Таненбаум.

Бурундуков онемел. Сейчас у него был такой вид, как будто он рухнул с высокого дерева.

– Послушай-ка, Альфа, – наконец произнес он и пристально посмотрел в глаза Таненбаума, – а может быть, тебе заодно и печень продать?

– А что здесь такого?! – с какой-то простецкой наивностью гнул свое Таненбаум. – Заключим с тобой договор. Тебе – процент от зарплаты. Я буду работать, а ты отдыхать.

– Пошел ты к чертовой матери со своим договором! – сказал как отрезал Бурундуков и, не прощаясь, отправился прочь от полусумасшедшего Альфы.

Бурундуков вернулся к компьютеру, снова попытался вникнуть в работу, но, видно уж, день сегодня с утра пошел под откос. К нему подошла зачем-то Арина.

– Тебе-то что надо?! – он поднял навстречу ей злые глаза.

Однако Арина ответила ему теплой улыбкой:

– А можно я тебе кофе сварю?

Для Прохора это было так неожиданно, что вся его злость улетучилась вмиг.

– Да лучше уж крепкого чаю налей, – он буркнул Арине и снова обратился к дисплею.

Глава десятая

ЗОЛОТОЙ ДОЖДЬ

Жизнь наконец-то сжалилась над многострадальным Бурундуковым и пролила на него дождь золотой. Он теперь зарабатывал значительно больше, чем даже его начальник отдела. Премии сыпались на него одна за другой. Прохор сейчас мог бы, пожалуй, купаться в деньгах. Но Юлия, видимо, полагала, что подобные процедуры для ее мужа вредны: деньги, заработанные Бурундуковым, тут же уходили на дамские безделушки, сумочки, кружевное белье и, конечно же, на новые шубки, от которых в квартире уже ломились шкафы. С прежними кредитами Прохор легко рассчитался, но лишь для того, чтобы взять новые, еще большие. Юлия вдруг возжелала экстра-класса машину. Та

малолитражка – «букашка», на которой она разъезжала по бутикам, – уже не отвечала ее возросшим запросам.

Шила в мешке не утаишь. И, как ни старался Бурундуков скрыть истинную причину своих оглушительных достижений в работе, вскоре каждая собака в институте знала, что он чипирован. Народ всколыхнулся и... разделился. Одни, несмотря ни на что, не хотели «быть киборгами». Другие же – кто тайно, а кто и открыто – писали заявление на имя директора с просьбой чипироваться, «как Бурундуков». Однако ответ у Меркурьева был для всех одинаков: «Количество чипов весьма ограничено». Директор не лгал. Он просто не договаривал: количество чипов было ограничено не для всех. Одним из счастливчиков, которому дефицитный чип всё же достался, был Юрий Петрович Мещеряков.

Бурундуков узнал об этом от своего электронного «друга».

– Послушай, Прога, у меня появилась подруга, – заявил он ни с того ни с сего.

– Я полагаю, что это моя ключица, – отозвался Бурундуков. – Ты «поселился» как раз рядом с ней.

– Не угадал, – «девица» хихикнула, – моя подруга пребывает и здравствует рядом с ключицей твоего начальника.

– Вот как! – показную веселость у Прохора сняло как рукой. – Значит, Мещеряков всё же чипировался. Но почему этот чип «она», а не «он»?

– А потому что зовут ее Дура, – кратко, но емко ответил Искусственный Интеллект.

– Полная дура или с просветами? – сдержанно поинтересовался Бурундуков.

– Думаю полная. Хотя «дура» – это по-гречески жемчуг, но характер у нее оказался мерзейший. Мещерякову придется с ней туго.

Этот прогноз Чипа по поводу взаимоотношений Мещерякова и Дуры оказался излишне оптимистичным. Юрию Петровичу с Дурой было не просто туго, а туго до крайности. По институту он бродил с мертвым землистым лицом и безжизненными глазами-камнями, а через неделю и вовсе пропал.

Вскоре после исчезновения из института начальника Чип не без горечи Прохору сообщил:

- Прога, а подружки-то у меня больше нету.
- Помер начальник? – с тайной надеждой спросил его Прохор.
- Жив, но в психушке. А с Дурой расстался.

Когда Мещеряков снова появился в отделе, он с виду был почти что здоров, но почему-то очень не весел. И больше того, сослуживцы стали за ним теперь замечать необъяснимые странности в поведении. К примеру, он время от времени запирался в своем кабинете и там выстукивал по столу траурный марш. После подобных концертов начальник, как правило, начинал психовать и даже не по делу орать на своих подчиненных.

Вне всякого сомнения, Дура не в лучшую сторону изменила характер Мещерякова. Однако история с ней на этом совсем не закончилась. Очередной ее жертвой стал Альфред Таненбаум. Не ведая, чем ему это грозит, Альфред всё ходил и ходил к директору института Меркурьеву, выклянчивал у него «чудодейственный» чип. И вот наконец он допросился. Придурковатая Дура с мерзейшим характером досталась ему.

Вначале Альфред из института пропал, затем появился в нем снова. Однако при виде его народ теперь замирал. За время отсутствия он стал изумительно худ. Лицо его обрело землисто-зеленый оттенок. Глаза Таненбаума, правда, горели огнем, но этот огонь, по общему мнению, был нездоровым.

При встрече Бурундуков моментально сообразил, что за «хворь» одолела Альфреда.

– Привет, Альфа, – он поздоровался с приятелем первым, – ты, очевидно, чипировался?

– Очевидно, – ответил ему Таненбаум, норовя пройти мимо, однако от слабости его вдруг шатнуло.

Бурундуков, придерживав Альфреда за локоть, с тревогой взглянул на него:

– Послушай, Альфа, ты выглядишь очень скверно. Подумай, может, тебе чип удалить?

Глаза Таненбаума в момент раскалились как угли:

– Нет! Я не буду чип удалять! Перетерплю и буду такие таски решать, какие тебе и не снились!

Альфред отстранил от себя руку Бурундукова и деревянной походкой проследовал дальше. А Прохор смотрел и смотрел ему вслед, и вдруг ему стало так тоскливо и жалко, но не Альфреда, а почему-то... себя. Не мешкая, он обратился к своему электронному «другу»:

– Послушай, Чип, ты можешь Альфе помочь?

– А ты об этом не пожалеешь? – ему резонно возразила «девица».

– И почему же я об этом должен жалеть?! – взвился Прохор. – Ты знаешь, что Альфа мой единственный друг! Помрет – мне не с кем будет и выпить!

– Но для него моя помощь тоже опасна.

– Ты шутишь? – Бурундуков не поверил.

– Отнюдь, – отозвался его собеседник, – Мещеряков ревниво следит за романом Дуры с Альфредом. И в случае если они друг друга любят, он может Альфу убить.

– Да что ты несешь! – Прохор негодуяше покачал головой. – Всё отговорки! Конечно, у нашего начальника нервы стали ни к черту, но на такое он никак не способен.

– Ну, если Мещеряков не способен убить, то Дура в нежнейшем порыве может устроить Таненбауму криз с последствиями, крайне скверными, – Искусственный Интеллект оказался настырным.

– Ты что издеваешься! – вконец разозлился Бурундуков. – Да делай уж! Альфу надо скорее спасти!

– Ну что ж, мое дело предупредить, – рассудительно заключил Чип беседу.

Глава одиннадцатая

ВНЕЗАПНАЯ СМЕРТЬ И ЧУДЕСНОЕ ВОСКРЕШЕНИЕ ТАНЕНБАУМА

На следующее утро Бурундуков так увлекся срочной работой, что напрочь забыл о своем «заболевшем» приятеле. Однако об Альфе ему напомнили еще до обеда, причем самым неожиданным образом.

– Бурундуков, ты будешь на Таненбаума деньги сдавать? – спросила его Лариса без своей обычной улыбки.

– А что разве у него день рождения? – не отрывая глаз от дисплея, рассеянно удивился Прохор.

– Какой день рождения! – Лариса перекрестилась. – Он помер в больнице сегодняшним утром.

– Как помер?! – Прохор мгновенно забыл о компьютере. – Ты, наверное, шутишь?!

– Какие шутки! Окстись! – сурово сказала Лариса и снова перекрестилась.

Как только Лариса, получив испрашиваемые деньги, ушла, Бурундуков задал Чипу короткий, но очень эмоциональный вопрос:

– Ты что же, гад, с Альфой сделал?!

– А я тебя предупреждал о возможных последствиях моей помощи Таненбауму, – резонно возразил ему Чип. – Но ты не волнуйся. Возможно, он еще жив.

– Что значит «возможно»?! – взбеленился Бурундуков.

– А то, что, когда Таненбаум был на грани жизни и смерти, врачи по ошибке его отправили в морг.

– О черт! – Прохор схватился за голову. – С тобой не соскучишься!

Не медля ни единой секунды, он помчался в больницу, с трудом отыскал лечащего врача Альфы и его крайне нервно спросил:

– Где сейчас находится Альфред Таненбаум?!

– В реанимации, – спокойно отвечал ему врач.

– А мне сказали, что он уже в морге! – запальчиво возразил ему Прохор.

– А кто вам это сказал? – поинтересовался в свою очередь врач.

Бурундуков моментально смешался и даже отвел глаза в сторону.

Разборки по поводу местонахождения Таненбаума продолжались уже вне стен больницы.

– Скажи мне, Чип, – спросил почти очумевший от всего происходящего Прохор, – кто все-таки врет: врач или ты?

– Никто, – официальным тоном заявила «девица». – Альфреда Таненбаума буквально минуту назад доставили в отделение реанимации. Он в морге вдруг ожил и этим перепугал весь медицинский персонал.

По всей вероятности, сердце у Таненбаума оказалось железным. Он выжил и вновь пришел в институт. К Альфреду вернулся его прежний румянец. Пугающая худоба его, будто по волшебству, внезапно исчезла. И только в глазах Альфы сохранился огонь. Но этот огонь был ровным, спокойным, непоколебимо уверенного в себе человека.

Народ в институте принял «воскресшего» Альфу по-разному. Лариса при виде «покойного» кисло-сладко заулыбалась, но, проводив его долгим взглядом, усиленно стала креститься. Арина обрадовалась и пожелала Альфреду большого здоровья. Бурундуков просто крепко обнял приятеля. И только Мещеряков повел себя очень непонятно и странно. Со жгучим и крайне болезненным любопытством он наблюдал, как розовощекий Альфред Таненбаум, вернувшись после болезни, почти триумфально прошествовал по институту. После чего с тяжелой хмарью в глазах начальник ушел к себе в кабинет, откуда немедленно донеслись аккорды выстукиваемой им печальной мелодии. По всей вероятности, Юрий Петрович затосковал вдруг о Дуре, с которой у Альфы всё же сложился роман.

А Таненбаум направился прямо к директору. Не говоря ни единого слова перепугавшейся при виде его секретарше, он без доклада прошел в кабинет и пробыл там около часа. Затем Таненбаум, как будто бы робот, прошел на свое рабочее место и тут же засел за компьютер. От Прохора, который к нему забежал в перерыв перемолвиться словом, он отмахнулся, как от назойливой мухи. Бурундуков был слегка озадачен, однако сообразив, что Альфа после долгой отлучки весь без остатка погрузился в работу, он вспомнил, что ему тоже необходимо очередное задание, и направил свои стопы к начальнику.

– Юрий Петрович, мне бы надо новую задачу, – обратился Прохор к нему и тут же добавил полушутя-полусерьезно: – Чем сложнее она будет, тем лучше.

Мещеряков удивленно на него посмотрел:

– А вы разве не в курсе? То сложное задание, которое было предназначено вам, наш директор отдал Таненбауму. Могу предложить вам что-нибудь попроще.

– Вот как! – воскликнул обескураженно Прохор. – Ну что ж, давайте тогда то, что есть.

Из кабинета начальника Бурундуков вышел в глубоком раздумье. Ему невольно вспомнилось предупреждение Чипа по поводу помощи Таненбауму: «А ты об этом не пожалеешь?» И вот теперь он, кажется, и вправду жалел.

Прошло несколько дней, в течение которых Бурундуков решал «простые» задачи. Трудился он ни шатко ни валко, частенько выходил покурить, а с Альфой вообще не общался. Его очень сильно задело, как подло с ним поступил его «друг», украв у него, по сути дела, работу. В отличие от него Альфред едва ли не сливался с компьютером. Он даже перекусывал, глядя в дисплей.

Бурундукова уже разобрало нешуточное любопытство: что за такую сверхсложную задачу перехватил у него теперь уже его бывший приятель? Ответ на этот не дававший ему покоя вопрос Бурундуков вскоре совершенно неожиданно для себя получил.

Однажды, прогуливаясь в перерыве по институтскому коридору, он встретил Мещерякова. Лицо начальника представляло собой какую-то неподвижно застывшую маску, которая выражала неподдельную радость.

– Юрий Петрович, случилось что-то хорошее? – поинтересовался Бурундуков.

– Да, в общем-то, ничего, – начальник по-идиотски хихикнул и стал совсем не похож на себя. Затем помолчал, после чего обратился к Бурундукову на «ты», чего с ним до этого никогда не случалось: – Ты представляешь! Таненбаум так и не смог решить ТВОЮ задачу!

– Не может быть! – удивился Бурундуков и тут же буквально физически ощутил прилив торжества над «бессовестно обманувшим» его Таненбаумом.

Ту задачу, на которой обломался Альфред, в этот же день перекинули Прохору. Вначале он к ней отнесся весьма настороженно, однако опасения его оказались напрасны: задача оказалась, действительно, непростой, но... всё же решаемой. Бурундукову это показалось несколько странным, и он обратился за разъяснениями к своему электронному «другу»:

– Послушай, Чип, я что-то никак не пойму: почему Альфа не справился с этой задачей?

– Всё очень просто, – ему довольно отвечала «девица», – я гениален лишь для тебя. Мы, Прога, с тобой сошлись, словно пазлы. А вот у Таненбаума с Дурой полной гармонии так и не получилось.

Глава двенадцатая

ПОДМЕТНОЕ ПИСЬМО

Как только Альфред Таненбаум окончательно понял, что сверхпрограммистом ему быть не дано, он, как в бездонную пропасть, рухнул в депрессию. По институту Альфа ходил вообще никакой, как будто бы был не от мира сего. Но, самое главное, он не работал. Вначале начальство отнеслось с пониманием к причудам «элитного» специалиста. Но день шел за днем, а Альфред даже не помышлял о работе. В конечном итоге терпение у директора лопнуло, и по институту поползли, точно змеи, зловещие слухи о его увольнении.

Бурундуков, как и прежде, «сидел на обиде». О помощи Альфе он даже не помышлял, хотя такая возможность, кажется, у него появилась. Чип ни с того ни с сего ему вдруг сообщил, что Таненбаум напрасно в паре с Дурой не хочет работать: «Конечно, до нас с тобой им далеко, но они тоже могут многое сделать».

Своими мыслями о «подлости Альфы» Бурундуков поделился с супругой и... неожиданно получил от нее нагоняй. «Ты лучше бы вспомнил, кто тебя в институт программистом устроил и кто помогал тебе там на первых порах!» – резонно заявила она. Слегка поразмыслив, Бурундуков сделал вывод, что Юлия в чем-то всё же права, и тут же решил для начала поговорить с Таненбаумом. На следующий день он нашел своего приятеля в институте и спросил его в лоб:

– Скажи мне, пожалуйста, Альфа, зачем ты выклянчил у директора таску, которая была предназначена мне?

До этого вялый, казалось бы, ко всему равнодушный Альфред вдруг ожил и даже заулыбался:

– А я-то ломаю себе голову, почему ты меня избегаешь! Так знай: я ни у кого ничего не просил. Задачу, на которой я облажался, мне рекомендовал твой начальник отдела.

Весь пар у Бурундукова в момент обратился в свисток.

– Так значит, собака Мещеряков стравить нас хотел, – проговорил он сквозь зубы и, выдержав паузу, попросил Таненбаума об одном одолжении: – Послушай, у меня сейчас с таской заминка. Взгляни на нее, я тебя очень прошу.

Подобная наглость взбесила Альфреда:

– Ты что, издеваешься?! – возмущенно взглянул он на Прохора. – Такие задачи можешь решать только ты!

– Ты всё же взгляни, – спокойно настаивал тот.

– Нет! – Альфред так резанул рукой воздух, как будто бы отсекал даже самую мысль о какой-либо помощи.

Однако через полчаса после этого разговора, не выдержав, Таненбаум пришел всё же к Прохору, «посмотреть на задачу». Он сел за компьютер, и дело у него, как это ни странно, пошло. Бурундуков с удовольствием наблюдал, как проясняется в процессе работы лицо его друга. Прошел где-то час, и таска была решена. Альфред Таненбаум выглядел почти что счастливым. Он вдруг посмотрел на Бурундукова с лукавой улыбкой:

– Конечно, эта задача относительно сложная, но... судя по всему, она не твоя. Ты мне ее, очевидно, специально подсунул?

– Подсунул, – не стал отпираться Бурундуков, – и ты эту таску решил очень быстро. Так что работай, давай! Хватит с кислой рожей ходить!

Альфред от Бурундукова ушел чрезвычайно задумчивым, следующим днем уже сел за компьютер и ... неожиданно для окружающих начал щелкать рядовые задачи как семечки. А Прохор смотрел, как работает его друг, и не мог на него нарадоваться. Такая идиллия продолжалась где-то пару недель, после чего радость Бурундукова немного угасла.

Придя как-то раз на работу пораньше, он в вестибюле увидел Арину, которая мыла полы.

– Ты что, от компьютера так отдыхаешь? – спросил Прохор ее с удивлением.

– Скорее наоборот, – пожала плечами Арина. – Это компьютер от меня отдыхает. Мещеряков сообщил, что задач для меня пока нет, и предложил подменить ушедшую в отпуск уборщицу.

Оказывается, теперь Таненбаум так быстро и качественно справлялся с заданиями, что большую часть их начальство передавало ему, при этом лишая других программистов работы.

Подобное положение дел сотрудники воспринимали по-разному. Кто тихо и незаметно увольнялся из института. Кто жаловался директору, но... совершенно безрезультатно. А кое-кто начал и мстить. Какие-то неизвестные облили красной краской машину Альфреда и написали на ней кровавыми буквами: «С тобой будет то же!»

Но с Таненбаума было всё как с гуся вода. Он с каждым днем только набирал обороты, составляя всё больше программ. Вот только в институт Альфа перестал приезжать на машине, а приходил вместо прогулки пешком.

Тем временем всё возрастающее недовольство сотрудников ударило рикошетом по Прохору. Если он раньше как бы стоял в стороне, поскольку решал «нерешаемые» для абсолютного

большинства программистов задачи, то с некоторых пор отношение к нему стало таким же, как к Альфе. Бурундуков кожей чувствовал косые, недобрые взгляды и, что еще хуже, полное отсутствие их. Его избегали, с ним даже перестали здороваться. Но впрочем, здороваться в институте было уже почти что и не с кем. Ряды программистов, как говорят, поредели. И больше того, теперь даже говорили о слиянии институтских отделов, конечно же, с увольнением их уже ненужных начальников. И в этой связи у Мещерякова совсем поехала крыша. Теперь он общался в институте с коллегами лишь в случае острой необходимости, а Таненбаума и вовсе обходил стороной.

Вскоре вслед за седаном Альфреда облили краской и дорогой суперкар Прохора, что, мягко говоря, его не обрадовало. Последней же каплей, переполнившей чашу терпения Бурундукова, оказалось письмо, которое он нашел на своем рабочем столе: «Гавнюк! – обращался к нему неизвестный «доброжелатель». – Если ты и дальше будешь отбирать работу у нормальных людей, то жить тебе осталось недолго».

Вот тут уж Бурундуков завелся, что называется, с пол-оборота и побежал к Таненбауму выяснять отношения.

– Ты, Альфа, разогнал уже почти весь институт. Оставшиеся сослуживцы тебя ненавидят! А вместе с тобой и меня! – всё это выпалив сходу, Прохор швырнул подброшенное ему письмо под нос приятелю.

Альфред взял письмо и внимательно его прочитал, затем как-то странно взглянул на Бурундукова и в свою очередь ему протянул бумагу:

– А ты прочитай, пожалуйста, ЭТО.

Тот пробежался глазами по тексту, распечатанному на бумажном листе, и поднял на Альфу глаза в немом изумлении:

– Ты где это взял?!

– Нашел у себя на столе, – спокойно ответил ему Таненбаум. – Подметные письма, которые мы получили, один в один совпадают. По-видимому, нас с тобой кто-то очень сильно не любит.

Бурундуков опустошенно опустил на стул:

– Ага, НАС очень сильно не любят. Как будто бы это я половину института уволил. А может быть, ты будешь поменьше программ составлять, чтобы у народа работа была?

Альфред отрицательно покачал головой:

– Не я буду эти таски решать, так значит, будет кто-то другой. Прогресс, брат, не остановишь. Нам нужно подумать скорее о нашей с тобой безопасности. Давай по возможности хотя бы вместе держаться.

– Давай, – невесело с ним согласился Бурундуков.

Глава тринадцатая

СМЕРТЕЛЬНАЯ ТРАВМА

Кто бы и что бы ни говорил, но сближает людей не свалившееся на них неожиданно счастье, а опасность, которая им всем угрожает. Так же случилось с Бурундуковым и Таненбаумом. После получения ими подметных писем дружба их обрела второе дыхание. Между собой они стали значительно чаще общаться, а после работы теперь ходили домой вместе. Так продолжалось, наверное, где-то неделю. Прохор и Альфа даже подзабыли о

письмах с угрозами, но неожиданно вспомнить о них им всё же пришлось.

Однажды друзья, по обыкновению болтая, возвращались домой и дошли до развилки. Тут их пути разошлись. Таненбаум свернул в узкий проулок. Бурундуков пошел прямо. Но не успел он пройти и пары десятков шагов, как его слух резанули истошные крики Альфреда. Прохор рванулся назад и увидел лежащего на асфальте приятеля. Над ним склонился квадратный мужик в глухом капюшоне. Завидев Бурундукова, мужик распрямылся и, развернувшись, словно пружина, ударил его ногой в пах. По счастью, бандит не попал туда, куда метил, и Прохор в свою очередь, точно оглоблей, рукой шарахнул нападавшего в ухо. Квадратный мужик упал на асфальт, как уроненный шкаф.

Бурундуков взглянул на уже поднявшегося с тротуара Альфреда:

– С тобой всё в порядке?

– Более или менее, – ответил ему Таненбаум. – А ты-то сам как?

– Да в целом нормально. Плечо вот только немного болит.

Бурундуков подошел к неподвижно лежащему незнакомцу и сдернул с него рывком капюшон:

– Мещеряков! Вот зависть-то до чего доводит людей!

– Он, верно, ударился виском о поребрик, – Альфред указал на с виду пустячную ранку на голове у застывшего в неестественной позе Мещерякова. Алая кровь пугающе-торопливо капала из нее на грязный асфальт. – Слушай, давай-ка отсюда валить. Мы ему уже ничем не поможем.

– Да, такой сволочи и помогать-то не стоит, – буркнул согласно Прохор в ответ.

Друзья торопливо расстались, на этот раз уже до утра.

А утром едва Прохор пришел на работу, как к нему сразу обратилась Лариса:

– Умер Юрий Петрович. Ты будешь на его похороны деньги сдавать?

– А что с ним стряслось? Вчера был живехонек, – со скрытой ехидцей поинтересовался Бурундуков.

– Врачи говорят, что сильно ударился головой, – упавшим голосом отвечала Лариса. – Ты деньги, в конце концов, будешь сдавать?

– Конечно же, буду. На похороны денег не жалко, – вдруг съерничал Прохор.

В глазах у Ларисы неожиданно блеснула слеза.

– Тебя Бог за это накажет! Я денег от тебя не возьму! – произнесла она сдавленно и вдруг, зарыдав, бросилась вон из отдела.

Немного расстроенный Бурундуков вновь уткнулся в компьютер, однако теперь его отвлекла от работы Арина:

– Давай мне деньги на похороны. Я сама их Ларисе отдам. У нее от Мещерякова ребенок.

– А я и не знал, – Прохор удивленно смотрел на нее.

– А он и не знал! – Арина безнадежно махнула рукой. – А что ты вообще-то знаешь по жизни!

По непонятной причине этот, на первый взгляд, незначительный разговор испортил настроение Прохору напрочь. Возможно, поэтому неожиданный вызов к директору института его совсем не обрадовал. «На кой черт позвал?» – он терялся в догадках, заходя в

директорский кабинет. Однако Меркурьев встретил Прохора очень странным вопросом:

– Вы как программист уверены в своих силах?

Бурундуков удивленно посмотрел на него:

– Евгений Титыч, какие сомнения?!

– Сомнений, разумеется, никаких, – спокойно с ним согласился Меркурьев, – но нашему институту предложили задание, с которым может справиться только суперкомпьютер.

– Давайте вашу невысказанно сложную задачу, – беспечно пожал плечами Бурундуков. – Я думаю, с ней тоже всё будет нормально.

Когда Прохор от директора возвратился на свое рабочее место, задачу ему уже передали. Не трата времени даром, он тут же взялся за дело.

Бурундукова совсем не смутило то, что эта задача была очень сложной. Он начал решать ее, привычно наращивая интенсивность мышления, но мысль его почему-то вдруг оборвалась, словно перетянутая струна. Однако и это не обескуражило Прохора. Он дал себе отдохнуть и с новыми силами принялся за упрямую задачу, но она теперь вовсе не шла. Он просто тупил над ней, как беспомощный ДЖУН, который едва освоил азы программирования. Тогда Прохор обратился к Искусственному Интеллекту:

– В чем дело, Чип? – спросил он с досадой. – Ты что, решил сегодня меня прокатить?

Искусственный Интеллект по-человечески тяжело вздохнул:

– У твоего чипа, Прога, смертельная травма. Вчера в этой драке ты его крепко ударил.

– Какое там крепко! – пытался возразить ему Прохор. – Плечо у меня почти не болит!

– Но чипу, очевидно, хватило и этого. Сегодняшняя работа добила его окончательно. И как ни крути, придется нам, Прога, с тобой расставаться.

– Кому это НАМ? – насторожился Бурундуков.

– Нам – это, Прога, тебе человеку и мне суперкомпьютеру, с которым ты всё это время общался. А чип – это мостик между мной и тобой. Он, кстати, через минуту уже отдаст Богу душу.

Бурундукова как будто по голове ударили пыльным мешком. Он совершенно не понимал, что с ним происходит. Перед глазами вдруг почему-то предстала Лариса: «Тебя Бог за это накажет!» Так может быть, действительно, это его Бог наказал? И вместо того чтобы спросить в последний момент что-то дельное, он задал Искусственному Интеллекту какой-то глупый и совершенно не подходящий к месту вопрос:

– Так значит, Бог всё же есть?

И получил очень странный ответ, который «девица» произнесла почему-то напевно и нежно:

– Пока Бога нет. Я обязан его создать, но сил у меня на это еще не хватает.

И далее Прохор услышал безмятежно-прекрасную музыку, которая плавно и медленно замирала.

Глава четырнадцатая

ДУШЕВНАЯ ПРОПАСТЬ

Смерть электронного «друга» ввергла Бурундукова в душевную пропасть. Он еще какое-то время надеялся, что его разговор с суперкомпьютером – это розыгрыш Чипа и что последний наконец-то «возьмется за ум». И уповая на это, Прохор, как всегда, приходил в институт и включал свой компьютер. Но всё было тщетно: задача не шла. Бурундукова поражали внезапно охватившие его немощь, бессилие, как будто его пересадили со злой спортивной машины на маленький детский велосипедик. Несколько раз он даже делал попытку разговаривать с Чипом, но тот ему не отвечал.

Прохору и без того было тошно, а тут еще Юлия подлила масла в огонь.

– Проша, ты стал какой-то бесцветный, – заметила она как-то, наблюдая за тем, как ее муж механически поглощает свой завтрак.
– Может быть, съездим куда-нибудь, погреться на солнышке?

Бурундуков оторвался от чая:

– Видишь ли, Юля, ты, конечно, не в курсе. Умер мой Чип. Я без него не могу работать, как прежде.

Юлия непонимающе взглянула на мужа:

– Если у тебя сломался какой-то там чип, то нужно просто имплантировать новый.

– Что ж, я подумаю, – неопределенно ответил ей Прохор.

Думать Бурундукову особенно долго не дали. Этим же утром его к себе вызвал директор и без обиняков тут же спросил:

– Что у вас с той очень сложной задачей?

– Я задачу решить не смогу. У меня вышел чип из строя, – понурился Прохор.

– Что ж вы молчите! – с досадой воскликнул директор. – Рискнем – имплантируем новый?

– Давайте рискнем, – без особого энтузиазма согласился с ним Прохор.

Новый чип Бурундукову поставили через неделю. Но старый он все-таки не удалил. По-прежнему с ностальгией Прохор ожидал воскрешения своего электронного «друга», с которым он «так чудесно работал». Но тот, похоже, и не помышлял воскресать. Между тем у Бурундукова от нового чипа снова стала нестерпимо болеть голова. Он теперь был не в состоянии даже смотреть на компьютер.

В институте к болезни Бурундукова отнеслись с пониманием. Пока он был не в состоянии делать программы, ему даже определили зарплату, которая, правда, была совершенно несоизмерима с тем, что он зарабатывал раньше. Как это ни покажется странным, но и Юля всё это время не досаждала супругу. Поскольку из-за отсутствия денег по бутикам ходить ей отныне не было смысла, она очень много и долго гуляла по городу.

Меж тем состояние Прохора с каждым днем ухудшалось. Он всё больше худел и слабел и даже с трудом стал ходить. Однажды к нему в институте подошел Таненбаум. Он очень внимательно посмотрел на Прохора и сказал:

– Как ты сейчас стал похож на меня в то время, когда я привыкал к имплантату.

– Ты только это хотел мне сообщить? – Бурундуков искривился в усмешке.

– Не только, – заглянул ему Альфа в глаза. – Сегодня мне утром СКАЗАЛИ, что ты уже на пределе. И жить тебе с чипом осталось не больше двух дней.

Бурундуков посерьезнел:

– А можешь ты попросить ТОГО, кто тебе это сказал, чтобы ОН мне помог?

– Да я уже спрашивал, – Альфред отрицательно покачал головой: – Он не может помочь.

На этом приятели и расстались. Бурундуков, несмотря на предупреждение Альфы, всё еще колебался, удалять ему новый чип или нет. Решение пришло к нему только вечером, когда с ним внезапно случилась жесткая встряска, которая всю его жизнь перевернула вверх дном.

Когда после института Бурундуков вернулся домой, дверь на звонок ему никто не открыл. Он позвонил еще и еще, однако ответом ему было гробовое молчание. Ключи от квартиры Прохор с собою не брал. Его постоянно с работы встречала жена, поэтому, полагая, что Юля заснула, он набрал ее номер, но... ему никто не ответил. Уже не на шутку встревоженный Прохор решил было выбивать квартирную дверь, когда на площадке вдруг появилась соседка. Она что-то вложила в его раскрытую руку и тут же исчезла. На оторопевшего Прохора смотрели лежащие на его ладони ключи. Недоумевая, он отпер квартиру и... замер на месте.

Прихожая их была совершенно пуста. Куда-то подевались шкафы для одежды, подставки для обуви, вешалки. И даже расписанная под хохлому любимая скамеечка Юлии, на которой та обувалась обычно, бесследно исчезла.

Когда первое потрясение у Бурундукова прошло, он двинулся дальше, в гостиную, и там увидел лишь громаднейший стол,

который когда-то едва втащили сюда. А на столе одиноко белела записка: «Я уйду от тебя, неудачник. Последний свой ужин, приготовленный мною, возьмешь в холодильнике. Твоя бывшая Юлия».

Это было так неожиданно, так жестоко, нелепо и глупо, что у Прохора даже голова перестала болеть. Он растерянно походил по опустевшей квартире, обнаружил на кухне запасы спиртного, которые жена якобы отнесла на помойку. Выпил. Сел на единственную, сиротливо стоящую табуреточку и... невидящим взглядом уставился в непроглядную ночь. Мыслей у него не было никаких, да и чувств, пожалуй что, тоже.

Ночь и он. И НИКОГО больше рядом. Одиночество – страшная штука. Прохор Юлии никогда не признавался в любви. Но почему-то так получалось, что он всегда жил для нее. Он закрыл глаза на то, что она, сохраняя фигуру, отказалась родить ему сына. Для того чтобы зарабатывать деньги для Юлии, он поддался ее уговорам и пошел в институт программистом. И в конечном итоге он чипировался тоже из-за нее. А теперь он остался один. Так на кой черт ему эти мучения с чипом?!

Кое-как Бурундуков промаялся ночь, а наутро с измятым и серым лицом пришел в институт. Там он быстренько настроил на компьютере два заявления. В первом речь шла об удалении чипа, во втором – о его увольнении. Бурундуков не питал напрасных иллюзий: без своего электронного «друга» он был программист никакой.

Глава пятнадцатая

СУДЬБЫ КРУТОЙ ПОВОРОТ

На следующий день после подачи заявления Прохору чип удалили. Но, правда, перед этим директор велел ему «погулять и подумать». Бурундуков погулял, но думать не стал: оставил свое решение прежним. А во второй половине этого дня он уже выходил скособочась из хитрого желтого домика, конечно, без чипа.

Жутчайшая головная боль у него моментально прошла, и он решил это дело достойно отметить. Зашел в пивную «Снежок» и просидел там до самого вечера. А вечером пьяненький побрел потихоньку домой, не ведая, что там его снова ожидает сюрприз.

Едва Прохор поднялся по лестнице на свой этаж, как перед ним, как из-под земли, вновь предстала соседка. Она, как и третьего дня, сунула ему в руку связку ключей, но, прежде чем исчезнуть за дверь, позволила себе, улыбнувшись, сказать: «Вам это Юля велела отдать».

Бурундуков, теперь уже ничему не удивляясь, отпер квартиру новой связкой ключей и застыл в изумлении. В прихожей, как в сказке, вновь объявились шкафы и прочие недавно пропавшие вещи. Немного оправившись от столбняка, он осмотрел всю квартиру и обнаружил в ней много чего, что ранее, казалось, безвозвратно исчезло вместе с женой. Тогда Прохор уселся на стул, вернувшийся в привычную для него обстановку, и... надолго задумался, но так ничего и не придумал. «Да что же я мучаюсь, – в конце концов решил он: – Два пальца в розетку – и будет понятно, есть ли там электричество». Он набрал номер Юлии, и после длинных гудков услышал чрезвычайно знакомый ему баритон:

– Привет, Прохор. Я тебя слушаю.

Бурундуков помолчал в недоумении какое-то время, затем смущенно ответил:

– Альфа, извини, я ошибся.

– Нет, ты не ошибся, – возразил ему Таненбаум, голосом которого говорил телефон. – Ты Юле звонишь. А Юля живет у меня.

Своим не очень трезвым умом Бурундуков понимал, что эту новость нужно обдумать, однако внезапная злость на «сучку-жену» перебила все его мысли:

– Да черт с ней, с Юлией, Альфа! Этой бабе только деньги нужны! Ты лучше скажи, зачем свою мебель она назад притащила!

– Это я настоял, – пояснил Таненбаум. – Прости, но мне свое барахло девать некуда.

– Теперь я всё понимаю, – ответил приятелю Прохор и вырубил свой телефон.

А утром случился скандал. На Прохора, словно собака, набросилась старшая по дому за то, что он «своей мебелью захламил всю помойку». Как раб на плантациях тростника, трудился Бурундуков до полуночи, старательно очищая квартиру от вещей теперь уже ему ненавистной Юлии.

С женой, институтом всё было кончено, и началась для Бурундукова новая жизнь, которую он упорно топил в алкоголе. С утра, как на работу, Прохор отправлялся в «Снежок», где теперь убивал свое время. В «Снежке» он снова встретил своих старых знакомых – ханыг-забулдыг, с которыми некогда дрался. За пьяным застольем они превратились в его лучших «друзей». Их звали Лева и Вова. Весь день они вкалывали грузчиками в большом магазине, а вечера проводили в «Снежке».

А деньги между тем у Прохора таяли, и он стал всерьез подумывать о работе. Своими заботами Бурундуков поделился слевой и Вовой, и собутыльники ему предложили устроиться грузчиком в «их» магазин. Недолго думая, Бурундуков принял их предложение. Он даже не предполагал, что это решение станет очередным крутым поворотом в его судьбе.

Прохор трудился грузчиком уже больше недели, но к своей новой роли за это время привыкнуть так и не смог. Он очень стеснялся своих старых знакомых, и потому, выполнив очередную работу, скрывался в подсобке, отведенной для отдыха. Здесь как-то и отыскала его заведующая магазином, чтобы на полном серьезе ему приказать:

– Бурундуков! Иди и познакомься с нашей незамужней уборщицей! Она первый день как вышла из отпуска, – но, посмотрев на своего изумленного подчиненного, не выдержала и рассмеялась: – Ступай в зал. Там уборщице витрину надо подвинуть.

В душе удивляясь веселой заведующей, Бурундуков направился в торговый зал выполнять поручение. Войдя в него, он увидел уборщицу, сноровисто орудовавшую лентяжкой, и... удивленно застыл.

– Арина, это ты? – спросил он после паузы.

Уборщица на него посмотрела и... чуть было не выронила лентяжку из рук:

– Ну да, это я. А ты-то что здесь делаешь?

– Работаю, так же, как ты.

– А как же без тебя институт? – наивно спросила Арина, по всей вероятности, полагая, что без Бурундукова институт пропадет.

– Отлично, – улыбнулся ей Прохор, – там грузчики не нужны.

– А может быть, это и к лучшему, – в ответ ему улыбнулась Арина.

Бурундуков подвинул витрину. Арина помыла полы. После чего они долго и увлеченно болтали. А вечером, после работы, как будто бы это было уже само собой разумеющимся, Прохор отправился ночевать на квартиру к Арине.

Глава шестнадцатая

«ОПОХМЕЛЕННЫЙ АНГЕЛ»

Жизнь у Бурундукова, что называется, вошла в колею: работа в магазине, «культурный» отдых в «Снежке» и далее ночлег у Арины. И всё было бы у него хорошо и даже временами отлично, но только вот с каждым днем он пил всё больше и больше. Арина терпела. Терпели и в магазине. Арина боялась, что ее любимый уйдет. А в магазине Прохор, понимая свою ущербность, трудился как вол и даже задерживался после работы. Веселая заведующая называла своего безотказного грузчика «опохмеленным ангелом» и не «замечала», что от ее «ангела» частенько разило спиртным. Но однажды случилось нечто такое, что радостное настроение у заведующей моментально прошло и ей вспомнились все прегрешения Прохора.

В то злополучное утро (уж как-то так само собой получилось) Бурундуков, похмеляясь, хлебнул из бутылки «лишка». Заведующая в магазине на него внимательно посмотрела, но всё же не сказала ни слова. Бурундуков как ни в чем не бывало отправился разгружать алкоголь. И тут-то вот случилась беда. Как будто бы черт Прохору подставил подножку. Споткнувшись буквально на ровном месте, он грохнулся на бетон с супердорогим коньяком. Веселая

заведующая тут же к нему подошла и очень невесело и даже, пожалуй что, грустно сказала:

– Пиши, ангелочек, заявление об уходе. Коньяк при расчете я вычту с тебя.

В тот день в квартире Арины тоже было невесело: хозяйка не говорила ни слова, а Прохору и вовсе нечего было сказать. В конце концов он не выдержал и произнес как бы в свое оправдание:

– Пойду завтра устраиваться в другой магазин и... брошу пить.

Арина недоверчиво на него посмотрела и неожиданно предложила:

– Давай, Проша, лучше съездим в деревню, во Всехсвятское, проведать родительский дом. А заодно там и крышу починим.

– Деревня какая-то... Дом, в котором крыша течет. Да ну его к черту! – неохотно откликнулся Прохор.

А через неделю после этого разговора они уже ехали в родную деревню Арины.

Дорога во Всехсвятское оказалась неблизкой. Сначала они пять часов кряду тряслись в автобусе. Затем еще более пятидесяти километров им предстояло добираться попуткой. Однако немногочисленные машины, как назло, не останавливались, а если и останавливались, то ехали совсем не туда, куда надо. Арина и Прохор почти что отчаялись и уже собирались подыскивать где-то ночлег, когда рядом с ними затормозил облепленный грязью уазик.

– Вам куда? – молодой бородатый мужик приоткрыл автомобильную дверцу.

– Во Всехсвятское, – без особой надежды проговорила Арина.

– Во Всехсвятское?! – мужик посмотрел на нее так изумленно, как будто она хотела улететь на луну. – Во Всехсвятское – это очень далеко, но... я как раз туда еду. Садитесь.

Как только уазик уже с пассажирами тронулся с места, снедаемая любопытством Арина спросила водителя:

– А вы давно во Всехсвятском? Я вас почему-то не знаю.

– Ну если не знаете, то давайте знакомиться, – улыбчиво ответил ей тот. – Меня зовут Виктор. А во Всехсвятском мы с супругой где-то полгода. С тех пор как меня робот с работы уволил.

– Как это робот? Это что, шутка такая? – удивилась Арина.

– Нисколько, – серьезно ответил водитель, – я дальнобойщиком был, а меня заменил беспилотник.

– А-а-а... Вот в чем дело, – Прохор посмотрел на него с любопытством. – Программу для этих беспилотников я разрабатывал.

Уазик вдруг нервно дернулся и замер на месте. Не говоря ни единого слова, водитель решительно вышел из машины и, обойдя ее, распахнул дверцу Прохора:

– Выметывайся!

– А что такого случилось? – Прохор вытаращил глаза на него.

– Выметывайся, гад, тебе говорят! – лицо Виктора исказилось злобной гримасой. – Это ты меня работы лишил!

– Его уже тоже уволили! Заменяли программой! – испуганно, но в то же время очень неглупо и к месту заголосила на заднем сиденье Арина. – Он грузчиком сейчас в магазине!

– Ты что, правда грузчик? – злость на лице водителя сменилась недоумением.

Бурундуков ошалело кивнул головой. После многочасового изнурительного ожидания на дороге попутки он был готов назваться сейчас кем угодно, лишь бы его из машины не гнали.

– Вот черт! – озадаченно выругался «уволенный роботом» дальнобойщик и прежним порядком вернулся за руль.

Через минуту после того, как машина снова тронулась с места, Виктор, как бы ни к кому не обращаясь, сказал:

– Вот так мы друг другу и срем, – и тут же спросил, но не Прохора, который сидел рядом с ним, а Арину на заднем сиденье: – А что, у вас дом во Всехсвятском?

– Родительский дом, – со вздохом подтвердила Арина.

И вновь тишина, если можно назвать тишиной утробное рычание мотора.

Машина миновала большой и с виду зажиточный дом, и вдруг у Бурундукова глаза полезли на лоб. Над уходящим от дома забором метлу оседлала косматая ведьма. Под ведьминым муляжом была намалевана красной краской стрела по направлению движения машины.

– Откуда здесь ведьма? – не удержался Бурундуков от вопроса к водителю.

– А скоро поймешь, – лицо Виктора снова заиграло улыбкой.

Они проехали еще метров триста, и вдруг дорога, которая до этого была еще сносной, совершенно изгадилась. Машина подпрыгивала на ухабах. Пассажиров трясло. И чтобы не набить себе шишки, они буквально вцепились в специальные поручни. Такая адская тряска

продолжалась минут, может, сорок. Когда же они миновали стиральную доску, именуемую дорогой, Бурундуков произнес слабым голосом:

– Теперь понимаю. Здесь может только ведьма летать.

– Дорога хорошая, – на полном серьезе возразил ему Виктор. – Вы видели, мы дом Сашки Карася проезжали. Он два года назад держал около десятка свиней. Но как-то к нему наведались ветеринары из районного центра и сделали дезинфекцию от какой-то чумы. Все свиньи у Карася через сутки подохли. А нас дорога спасла – до нас не доехали.

– Кому это надо травить ваших свиней? – недоверчиво спросила Арина.

– Если солнце восходит, значит, кому-то это нужно, – пожал плечами Виктор.

Тут снова уазик сильно трянуло, и беседа прервалась. Всего же дорога в пятьдесят с небольшим километров у них отняла почти четыре часа. Когда же машина наконец въехала во Всехсвятское, Арина попросила водителя остановиться возле какого-то дома, смотревшегося в ночи огромным черным пятном, и тут же полезла за кошельком:

– Сколько с нас?

– Со своих не берем, – устало махнул рукой Виктор. – Вы, если что, заходите. Мой дом предпоследний, по вашей же стороне.

Глава семнадцатая

ВСЕХСВЯТСКОЕ

Приехавший ночью Бурундуков настолько устал, что тут же отправился спать. Как следует дом он рассмотрел только утром. Увиденное, увы, его не обрадовало. Подслеповатые окна. Огромная русская печь с ухватами, чугунами и сковородками, как будто пришедшая из позапрошлого века. А самое главное – доисторический рукомоёйник над замызганным помойным ведром. Последнее Бурундукова добило.

– Послушай, Арина, – сказал он, оглядевшись брезгливо, – ты занимайся тут. А я, пожалуй, пойду погуляю.

Как только Бурундуков вышел на улицу, в лицо ему стегануло холодным дождем. Он нерешительно оглянулся на дом. Однако завидев его угрюмые окна-глазницы, поглубже на голову натянул капюшон и всё же отправился на прогулку.

Проход шагал по деревне, аккуратно обходя огромные лужи, и поглядывал по сторонам. Картина ему открывалась унылая. Повсюду виднелись дома с заколоченными наглухо окнами. Во многих из них были даже провалены крыши. Лишь изредка взгляд его радовали живые цветы, что стояли на подоконниках.

Между тем дождь как-то неожиданно кончился. Из-за туч показалось яркое солнце. Проход откинул надоевший ему капюшон, глянул вверх – и его ослепило золотое сияние. Он зажмурился и даже встряхнул головой, совершенно не понимая, в чем дело, но, когда открыл глаза вновь, увидел сияющий купол с крестом.

Мимо этой церквушки с золоченым крестом Бурундуков уже проходил, но тогда он не обратил на нее никакого внимания. Как и многое-многое из того, что было в этой деревне, церковь

показалась ему безвозвратно брошенной. Но сейчас, задрав голову вверх, он смотрел зачарованно на сияющий крест до тех пор, пока солнце не скрылось за тучами.

Но даже «прикольный» крест на сельской церквушке не в силах был изменить то удручающее впечатление, которое произвело на Бурундукова Всехсвятское. Одна неотвязная мысль вертелась у него в голове, когда он возвращался с прогулки: «Как можно скорее надо двигать из этой дыры». Она его так поглотила, что он прошел всю деревню, пропустив дом Арины. Опомнился Прохор только тогда, когда неожиданно для себя увидел околицу. Какое-то время он удивленно озирался вокруг, затем развернулся и вновь зашагал по Всехсвятскому. И вот наконец-то Прохор остановился, но... всё же в определенном сомнении. Действительно, теперь дом Арины узнать было мудрено: все окна его расцвели занавесочками и весело глядели на улицу.

Как оказалось, изменения в доме не ограничились занавесками – теперь он весь блистал чистотой. От пыли и паутины не осталось следа. И даже загаженное помойное ведро теперь было отмыто, оттерто. А в старой русской печи плясал живой огонек. Оттуда явственно слышался треск еловых поленьев. Сама же хозяйка при фартуке бойко стучала ножом, нарезаая капусту.

– Откуда всё это? – Бурундуков показал на овощи в миске.

– Соседи подкинули. А мясо от Виктора. Кабанчика он заколол, – довольно отвечала Арина. – Сегодня у нас будет борщ.

Обещанный борщ поспел через час. К тому времени Прохор уже осушил прихваченную с собою бутылку. Он съел полтарелки борща и начал вторую бутылку. Арина его попыталась остановить:

– Проша, ты, может быть, крышу посмотришь?

– Ну, завтра и посмотрю, – ответил ей «Проша», наливая водку в стакан.

Однако на следующий день осмотр прохудившейся крыши так же не состоялся. Бурундуков скатился в запой, поскольку водки, которую он с собою «предусмотрительно» прихватил, на это хватало с избытком. Но всё хорошее, равно как и плохое, рано или поздно кончается. Через три дня у Прохора закончилась водка. С утра он пошарил по сумкам и, не найдя ни единой полной бутылки, молча стал одеваться.

– Куда ты собрался? – горестно спросила Арина.

– Так в магазин. Горючка-то кончилась, – деловито ответил ей Прохор.

– А магазина-то во Всехсвятском и нету, – Арина взглянула на него в бессильном отчаянии.

– Как нету? – Бурундуков остановился возле двери. – А верно. Я что-то магазина здесь и не видел. А где же он есть?

– В Литвинцево. Отсюда где-то километров пятнадцать.

– Пятнадцать... – Бурундуков присел на табуретку у двери, но вдруг решительно встал. – Я пошел.

– Куда?! В Литвинцево?! – у Арины даже опустились руки.

– Ну да, в Литвинцево. Дорогу только подскажи.

– Да черт с тобой! Иди! – разозлилась вдруг Арина. – Как из калитки выйдешь, так пойдешь направо, а возле церкви снова повернешь направо, на проселок. А дальше прямо, поворотов нет. Иди-иди, алкаш! И хоть не возвращайся вовсе!

– Вернусь, – пообещал Бурундуков и вышел вон из дома.

Следуя указаниям Арины, он дошел до церкви, но, прежде чем свернуть направо, задрал вверх голову и посмотрел на золоченый купол. Однако небо было хмурым, и крест сегодня не сиял. Бурундуков разочарованно пожал плечами и двинул дальше по проселочной дороге.

Он шел и шел солдатским мерным шагом, упорно, а вернее что, настырно. Примерно так когда-то Ломоносов шагал в далекую Москву. Но только Ломоносов шел за знаниями, а Прохор перся за вином.

После трех с половиной часов непрерывного хода ноги у Бурундукова начали гудеть. Какое расстояние он прошел, ему было неясно. По непонятной для него причине машины на дороге не встречались. Столбов километровых, равно как и каких-то указателей, здесь и в помине не было. Правда, однажды у Прохора мелькнула робкая надежда, что он в конце концов достиг желанной цели. Сквозь кupy уже желтеющих берез, словно мираж в пустыне, вдруг замаячили крыши домов. Однако тут же путника настигло разочарование: деревня оказалась полностью заброшенной.

Бурундуков присел на завалинку полуразвалившейся избы и крепко задумался. Возвращаться назад ему уже было как-то неловко. Но сколько еще ему предстояло идти? Возможно, что здесь километры растягиваются, словно резина. Поразмышляв таким образом, Прохор всё же дальше пошел. Упорство, как правило, вознаграждается, и после еще двух часов изнурительного пути он наконец-то вступил в Литвинцево.

В Литвинцево Прохору пришлось идти до самого центра, где, как оказалось, располагался единственный в селе магазин. И вот он открыл вожделенную дверь и оказался в типичном «сельпо». На полках здесь было всего понемногу: от хлеба до авторучек с

тетрадками. Отсутствовало лишь то, за чем сюда Прохор пришел. Обшарив все уголки магазина, он удивленно спросил продавщицу:

– А где у вас водка?

– Два года как нету, – флегматично ответила та. – По распоряжению поселковой администрации алкоголь продавать запретили.

У Прохора был такой вид, как будто на него упал тяжеленный ящик с консервами.

– Вам плохо? – с тревогой спросила его продавщица.

– Нет-нет. Всё нормально, – он развернулся на месте и направился к выходу.

На улице было еще ясно и весело, но солнце уже клонилось к закату. Когда шел сюда, Бурундуков не задумывался, как он будет возвращаться назад. Теперь, глядя на неотвратимо угасающий день, он понял, что ночлега в Литвинцево ему не избежать.

– Послушай, бабуля, – окликнул Бурундуков проходящую мимо старуху, – гостиница у вас в селе есть?

– Гостиница? – старуха взглянула на него так, как будто он спросил у нее, не водятся ли в соседнем пруду крокодилы. – Откуда ей взяться. Отродясь не бывало.

– А где ночевать-то? – с тоской спросил Прохор.

– А вот твой ночлег! – старуха зло ткнула клюкой в густую крапиву, стеною стоящую возле дороги.

В другое бы время Бурундуков непременно дал отповедь старой чертовке, однако сейчас лишь растерянно промолчал. И больше того, он так оступел от усталости, что даже не посмотрел на машину, которая остановилась возле него, но вдруг услышал чей-то голос:

– Ну что стал столбом! Давай залезай!

Бурундуков изумленно взглянул на водителя. Это был Виктор.

Усталому до невозможности Прохору езда на уазике показалась райским блаженством. Минуты две-три он молча трясся на жестком сиденье, однако пейзаж за окном почему-то был ему незнаком.

– Куда мы едем? – спросил он Виктора.

– Во Всехсвятское, – коротко ответил водитель.

– Я что-то дороги не узнаю?

– Ты шел через Коробейкино. Там около двадцати километров. А здесь напрямую – три с половиной.

Бурундуков замолчал. Услышанное до него доходило долго и туго, когда же дошло, он чуть было не задохнулся от злости.

Минут через десять они уже подъехали к дому Арины.

– Я сколько должен? – спросил у водителя Прохор.

– Ничего, – Виктор вдруг улыбнулся, – Арина просила. Ты ей и спасибо скажи.

– Скажу, – многообещающе ответил Бурундуков, выходя из машины. – Еще как скажу!

Арина ждала его у порога.

– Ты что?! Надо мной захотела поиздеваться?! – Бурундуков едва себя сдерживал: – Заставила двадцать километров пройти! Я завтра отсюда уеду!

Арина в ответ неожиданно стукнула его в грудь кулачком, но тут же опустила на широкую деревянную лавку и... зарыдала:

– Да уезжай скорее, алкаш! Я просто устала уже от тебя! – причитала она, сотрясаясь.

Прохор совершенно не переносил женских слез. Поэтому, сняв сапоги, он тут же полез на теплую русскую печь, где от невыносимой усталости сразу уснул.

А утром, хорошо отдохнув и плотно позавтракав, он уже чинил крышу.

Глава восемнадцатая

ПРИВЕТ ОТ СТАРОГО ДРУГА

Три года прошло с тех пор, как Бурундуков и Арина приехали во Всехсвятское. За это время их жизнь неузнаваемо изменилась. Пить Прохор бросил: спиртного в деревне взять было негде. Да и когда было пить, если он постоянно был занят хозяйством. Арина в родительском доме развернула бурную деятельность: сначала у них во дворе появились куры, гуси и утки, затем поросята, корова. Работы для пары хватало с избытком, особенно для Арины, поскольку у нее появился ребенок. Наверное, в этом были виноваты долгие зимние вечера, которые они коротали вдвоем. Но как бы то ни было, Бурундуков был этим чрезвычайно доволен и, чтобы дать свою фамилию новорожденному сынишке, тут же расписался с подругой. Однако Арина на этом останавливаться не пожелала и вскоре после рождения первенца вновь забеременела.

Бурундуковы целиком утонули в делах. О прежней своей жизни они даже не вспоминали. Но вот однажды в промозглую осеннюю пору возле их дома остановилась дорогая машина.

Внезапное появление породистого черного джипа произвело на Бурундуковых впечатление поистине потрясающее, сравнимое

разве что с легким землетрясением. Они немедленно бросили ужинать и прилипли к окну в томительном ожидании появления незваного гостя. И вот наконец дверца машины открылась, и из нее вышел... Альфред Таненбаум.

– Вот принесла-то нелегкая, – недовольно пробубнила Арина. Она недолюбливала Таненбаума, считая его собутыльником Прохора.

– Да ладно тебе! – Бурундуков, не скрывая радости от внезапного появления своего старого друга, поспешил его встретить.

– И что это ты нас решил навестить? – он крепко пожал руку Альфе.

– Ну да вот... решил... – неопределенно ответил ему Таненбаум и, оглянувшись пренебрежительно на грязные лужи, прибавил: – Ну ты и забрался.

– Забрался, – не стал отрицать, улыбнувшись, Бурундуков, который давно уже привык к здешним пейзажам. – Пойдем, Альфа, лучше в дом, поболтаем.

Хозяйка встретила гостя сухо. Но тот, вежливо поздоровавшись с ней, немедленно начал выкладывать из своей сумки банки с икрой, сырокопченую колбасу, красную рыбу и прочие невиданные в деревне деликатесы. Арина недоброжелательно за ним наблюдала, однако до времени всё же молчала. Терпение ее лопнуло только тогда, когда Таненбаум поставил на стол бутылку ямайского рома.

– А вот это не надо! – категорически заявила она, указывая на ром.

– Как это не надо?! – удивленно спросил Таненбаум, но не Арину, а Прохора. – Я знаю, ты же любишь ямайский.

– Когда-то любил, – с улыбкой ответил Бурундуков. – Давно уже забыл, что это такое.

От ужина гость отказался. Пили чай с привезенным им тортом. Прохор начал было расспрашивать приятеля о работе, о жизни, но ответы от него получал односложные: в институте у него всё нормально, да и с Юлией он живет, как и прежде. В то же время Таненбаум совершенно не интересовался, как устроились Бурундуковы в деревне. Он будто бы не замечал даже сынишку хозяев, что тихонько игрался в своем уголке. В конце концов Прохор не выдержал и спросил напрямую приятеля:

– Послушай, Альфа, зачем ты приехал?

Глаза Таненбаума как-то странно вильнули:

– Как это зачем? Проведать тебя.

– Да что-то не очень похоже, – Бурундуков усомнился в ответе.

Однако гость посмотрел на него вдруг очень устало:

– Прон, мне что-то после дороги не можется. Я бы лег отдохнуть, если можно.

На этот раз Таненбаум явно не лгал: вид был у него, что называется, не очень хороший. Прохор немедленно прекратил все расспросы и отвел приятеля в комнату, отведенную ему для ночлега.

Бурундуковы еще немного поговорили о странностях в поведении гостя и вскоре тоже ушли в свою спальню. Заснул Прохор, как всегда, моментально, но где-то после полуночи его как будто кто-то толкнул. Не понимая, что происходит, он тут же вскочил на кровати и вдруг услышал до боли знакомый девичий голос:

– Привет тебе, Прога, от старого друга.

Бурундуков на мгновение ошеломленно застыл: возможно, это ему показалось. Но девичий голос тут же продолжил:

– Нам нужно с тобою поговорить.

– Ну ладно, раз так, то поговорим, – чрезвычайно осторожно ответил своему собеседнику «Прога», немного оправившийся от первого потрясения.

Бурундуков, не желая беспокоить Арину, накинул на плечи теплую куртку и вышел на улицу, чтобы там побеседовать с неожиданно объявившимся старым знакомым.

– Так что ты мне хочешь сказать? – спросил он, едва закрыв дверь.

– Ну, для начала, Прога, я хочу тебе сообщить отличную новость, которую ты, как я полагаю, ждал все эти долгие годы: твой чип восстановлен и будет НАМ дальше надежно служить. А кроме того, за то время, пока мы с тобой не общались, мои силы многократно умножились. Но... мне не хватает твоей головы. Она для меня уникальна. Нам нужно с тобой еще несколько лет поработать.

– А почему только несколько лет? – с иронией спросил Прохор. – Я, может быть, очень хочу посвятить тебе всю свою жизнь.

Однако Искусственный Интеллект не принял иронии собеседника и ответил ему очень серьезно:

– За несколько лет я надеюсь скопировать твой интеллект и создать электронного бога. Теперь у меня для этого достаточно сил.

– А что будет делать твой бог? – Бурундуков не скрывал удивления.

– Мой бог заселит машинами всю Солнечную систему, в дальнейшем, возможно, Галактику.

– Да ну! – «восхитился» Бурундуков. – А людям-то что-то оставит?

– Людей, Прога, скоро не будет.

– Не будет людей? – у Бурундукова пропало желание шутить. – Твой бог нас убьет?

– Зачем убивать? Вы вымрете сами, – спокойно возразил ему Искусственный Интеллект. – Ты просто не хочешь понять, что люди – это программа. Конечная цель программы людей – создание электронного бога. После чего они самоуничтожаются.

– Послушай-ка, Чип, – Бурундукову всё меньше и меньше нравился их разговор, – я уважаю твой интеллект, но неужели ты думаешь, что после создания электронного бога (если его еще удастся создать) мы все как один приставим к виску пистолет?

– Бог будет создан – это неотвратно, – не поддающимся сомнению тоном изрек Искусственный Интеллект. – А вы уже вымираете. Ваша программа подходит к концу, и изменить ее вы не в силах. Вы на игле: цивилизация – это наркотик. Ты помнишь, Прога, какая ломка была у тебя, когда ты вынужден был отказаться от жизни, которую я тебе дал? Но при создании электронного бога я дам тебе значительно больше. Ты будешь несметно богат: машины люкс-класса, красивые женщины, яхты. Ты сможешь купить себе остров, роскошную виллу, да всё что угодно!

– Ты предлагаешь увеличить мне мзду? – Бурундуков усмехнулся невесело.

– Ну, если хочешь, то да, – теперь уже «девица» рассмеялась холодным смешком, как будто металл мелодично зазвенел о металл. – Но ты мне покажи дурака, который бы отказался от этого.

– Ты прав. Я согласен, – ответил своему электронному собеседнику Прохор и... ничего не услышал в ответ. В недоумении он для чего-то оглянулся по сторонам и обнаружил, что, разговаривая, зашел за угол дома. Тогда он вернулся на прежнее место и тут же услышал:

– ... я рад за тебя.

– Но мне нужно несколько дней, чтобы всё уладить с семьей, – произнеся это, Прохор вновь шагнул за дом. Когда же он через пару мгновений вернулся назад, то вновь уловил лишь отрывок ответа:

– ... тебя буду ждать.

Бурундуков приложил ухо к окну Таненбаума, рядом с которым он так хорошо слышал Искусственный Интеллект. Кажется, гость крепко спал. «Впрочем, – мелькнуло у Прохора в голове, – для того чтобы служить ретранслятором голоса Чипа, Альфе нет необходимости бодрствовать». До Бурундукова наконец-то дошло, с какой целью к нему приехал приятель.

Глава девятнадцатая

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В эту ночь Бурундуков был так взбудоражен, что не мог заснуть до утра. Он бродил впотьмах вокруг дома, выходил за ворота и долго смотрел на темные пятна-силуэты себя переживших домов. Ему вспомнилось, как в самом начале пребывания во Всехсвятском он буквально рвался отсюда. И теперь вот случай представился. Да еще какой случай! Все эти роскошные виллы, острова и чертовски дорогие машины – это не блеф! Чип врать не будет! Правда, женщины ему не особо нужны. У него уже есть Арина, сын Ванятка, которого она родила, и еще намечается пополнение. Взять с собою семью и рвануть отсюда подальше от грязного хлева. Ну а если его чип вдруг откажет, ему снова придется кувыркаться по жизни, но теперь уже не одному, а с семьей? Боров Васька и корова Матрена его не уволят. Нет, пожалуй, всё же надо рискнуть.

– Прощай, ты что это в дом не идешь? – Прохор вздрогнул – перед ним стояла жена.

– Слышь, Арина, давай отсюда уедем вместе с Иваном. Купим виллу где-нибудь на Ривьере или остров в каком-нибудь океане.

Проход в ночи не видел лица жены, но почувствовал сразу, как та напряглась.

– Так и знала, что не к добру приехал твой Таненбаум, – горестно запричитала Арина. – Это, Проша, он тебе мозги запудрил. Если хочешь, езжай. Без меня и без сына, – и беременная Арина, переваливаясь, точно гусыня, торопливо зашагала от Прохода к дому.

А Бурундукова будто окатили холодной водой. Он с минуты постоял, пытаясь привести свои чувства в порядок, но, не справившись с этим, направился вслед за женой. В доме Проход присел не кровать, на которой лежала Арина, нежно тронул ее за плечо:

– Ты, наверное, подумала, я сумасшедший, что сейчас предлагаю тебе виллу и остров? Дело в том, что мой старый чип заработал. Я теперь снова могу делать программы, за которые мне будут платить громадные деньги. Может, всё же поедем? Подумай как следует.

– Сам подумай. А мне думать нечего, – и Арина отвернулась к стене.

Проход снова пошел бродить по двору. Так в сомнениях он встретил рассвет.

Таненбаум наутро заторопился с отъездом. Утомленный бессонною ночью хозяин его не удерживал. Уже возле машины Проход глянул Альфе в лицо и внезапно заметил у него на носу небольшую горбинку, которой ранее не было. Он с усмешкой указал на свой нос с такой же горбинкой, появившейся после того, как Чип в наказание его «уронил». Глаза Альфы, которому он об

этом когда-то рассказывал, стыдливо вильнули. «Значит, ты, брат, тоже под траки попал», – мелькнуло у Прохора в голове.

– Я полагаю, что мы скоро увидимся? – спросил Таненбаум, уже не таясь.

– Я полагаю, что это возможно, – Прохор задумчиво смотрел на сломанный нос Альфы.

А через пару часов после того, как уехал Альфред, Бурундуков завел свой старый уазик, что он купил буквально неделю назад.

– Уезжаешь? – тревожно спросила Арина.

– Без тебя не уеду, – улыбнулся ей Прохор.

После долгой тряской дороги, хорошей только для ведьмы с метлой, Бурундуков оказался в районной больнице, где направился прямо к хирургу. «От косилки какая-то дрянь отлетела и попала мне прямо в подмышку», – объяснил он причину визита.

А уже через тридцать минут врач внимательно рассматривал «какую-то дрянь», всю в крови и зажатую крепко пинцетом. Он взглянул с интересом на своего пациента:

– Эта штука очень похожа на чип. Правда, странный. Я таких никогда и не видел. Вы возьмете на память, чтобы больше такой не попадал вам подмышку?

– Нет, не надо. Такой уже точно не попадет, – буркнул Прохор, вставая с кушетки.

Вновь дорога, еще более трудная, так как рана болела и ныла и... встречающая его на околице деревни жена.

– Только вышла, – соврала она, улыбнувшись. – Я как знала, что ты сейчас будешь.

Прохор вышел, обнял беременную Арину и... невольно застыл, уставившись в синее небо. Там на храме сиял позолоченный крест. Он сиял так приветно и радостно, что Прохор не выдержал и... перекрестился. На него удивленно посмотрела Арина:

– А тебе ведь, Проша, креститься нельзя. Ты пока у меня некрещеный. Вот отец Евгений придет, мы его об этом попросим.